

Инстинкт гнева

Автор:

Вячеслав Шалыгин

Инстинкт гнева

Вячеслав Владимирович Шалыгин

Сыщик Туманов #1

Что, вернее, кто мешает нам жить вечно? Кому кто. Тайной общине бессмертных, именуемой для конспирации «Цех», не дает покоя извечный враг по прозвищу Хамелеон. Он – единственное существо на Земле, способное убить Вечного, а еще – умен, изворотлив, дьявольски силен и... невидим! На протяжении тысячелетий Хамелеоны пытаются извести бессмертных, используя для их поиска особое чутье – «инстинкт гнева». Чтобы отразить новую атаку врага, Вечные делают оригинальный ход – они решают воспользоваться услугами обычного человека. Частного сыщика Виктора Туманова. Однако бессмертные работодатели даже не догадывались, насколько серьезно отнесется Туманов к своему новому заданию...

Вячеслав Шалыгин

Инстинкт гнева

Часть первая

Багровый лес

Мощенный тротуарной плиткой перрон был влажным. Над ним нависала условная крыша, но мокрый снег все равно попадал на перрон, заставляя пассажиров «Аэроэкспресса» поторапливаться. Турникеты не заглатывали билетки, как в метро, а только считывали коды и начинали мигать зелеными огоньками, приглашая войти в терминал аэропорта. Те, кто ездил на белой электричке редко, не сразу понимали, что система дала «добро», поэтому перед турникетами образовалась небольшая очередь. Смотритель недовольно поморщился, смахнул с носа тающие снежинки и взглянул на часы. Времени оставалось предостаточно. До начала регистрации двадцать минут, можно даже перекурить. Вон там, сразу за турникетами. Он снова взглянул на часы, чем привлек внимание человека в форме службы безопасности аэропорта. Смотритель отвел взгляд и заставил себя расслабиться. Спокойно, не стоит нервничать, к чему лишние заминки?

Мимо никелированных урн-пепельниц он прошел, не задерживаясь. Мимо службиста – тоже. Внутри терминала Смотрителю стало как-то легче. Светло, тепло, много народа... спокойно стало. Почти. Во всяком случае, теперь он мог сколько угодно смотреть на часы и нервничать, в нереальной массе отъезжающих-прибывающих на него не обратит внимания никто. И все же в третий раз за две минуты он взглянул на часы украдкой, протягивая руку к газете на полукруглом прилавке, который стоял, будто пограничный столб, обозначая начало «зоны отчуждения». Позади путь домой, в Москву, впереди – путь в неизвестность. Простейшая, казалось бы, альтернатива, с которой сталкиваются любые беглецы, но в случае Смотрителя все было не так просто. Здесь, на нейтральной полосе, ему следовало выполнить одно маленькое, но ответственное поручение. Так сказать, подтвердить «бронирование билета». Теоретически ничто не мешало обойтись малой кровью и наплевать на поручение – далеко не самое приятное, – но это в теории. На практике дела обстояли иначе. Смотритель точно знал, что сухим из воды ему не выйти. И не только потому, что любые игры с Хамелеоном смертельно опасны. Поэтому тоже, но в первую очередь потому, что он видел текущий вариант Реальности в вещих снах. Настолько точных и детальных видений, как в последние три ночи, у Смотрителя не было еще никогда, и это означало, что все сбудется до мельчайших подробностей.

В памяти вдруг сам собой всплыл эпизод из первого вещего сна. Провидец не зажмуривался, даже не моргал, но на долю секунды вместо пассажиров, служащих и стоек регистрации перед его глазами возникла движущаяся картинка, начальный фрагмент ночного кошмара...

«...– А три дня назад в каких-то двадцати милях от Гамильтона неизвестный противник пустил ко дну яхту „Виктория“, – невысокий, но элегантный, будто с рекламы „Лакоста“, брюнет удрученно вздохнул. – На борту судна был лорд Престон. Успокоить себя, списав произошедшее на дурную репутацию бермудской акватории, нам не удастся. У Цехового Совета имеется запись со спутника. После торпедной атаки британский военный катер приблизился к спасшимся людям и сжег их из огнемёта. В это трудно поверить, но сэръ Престон реально мертв. Цеховой Совет недоволен. Партия ортодоксов снова требует поднять вопрос о пересмотре Датского протокола, мастер. Не нравится мне это. Простите, что лезу в ваши дела, но пахнет очередным расколом.

– Вы думаете, мне это нравится? – Грузный, хорошо одетый мужчина средних лет поднял взгляд на часы. – Я понимаю, на что вы намекаете, Всеволод Семенович. Вы думаете, что кто-то из мастеров начал борьбу за абсолютную власть, используя разногласия между партиями. Теоретически мне это сделать проще, чем другим.

– Ни в коем случае, мастер, никаких намеков!

– Полноте, Всеволод Семенович, – грузный пригладил пышную седую шевелюру. – Не люблю недомолвок. Зачастую прямого мне вредит, но никто не может упрекнуть меня в нечестности. Я говорил об этом сотню раз, но не поленюсь повторить: уничтожение ключевых фигур Цехового Совета – инициатива врага и никого иного. Пока мастера не наберутся мужества признать, что мои умозаключения верны, мы так и будем нести одну потерю за другой. Нам снова противостоит Хамелеон. Он многолик и скрытен, что вполне соответствует его прозвищу, но он не миф и не плод моего воображения. Мастера гибнут от его руки. Против Цеха начата война, вот в чем истинная подоплека текущих событий. Нам угрожает внешний враг, а не внутренний.

– Я в этом не уверен. Чтобы уничтожить мастера, нужно знать, где его найти. При существующей системе конспирации это сделать почти невозможно, из чего следует, что даже если Хамелеон реален, он один из нас. Либо его нанял кто-то из нас, чтобы создать видимость внешней угрозы и под этим прикрытием аннулировать Датский протокол, то есть получить абсолютную власть. Круг замыкается. Войну против Цеха ведет сам Цех!

– Не думаю, что хотя бы один претендент на мое кресло способен опуститься до предательства. У вас есть доказательства?

– Нет.

– В таком случае, бригадир, отложим эту тему до худших времен.

– Мастер, прошу к десятой стойке, – к собеседникам подошел второй провожающий.

Троица приблизилась к стойке регистрации пассажиров бизнес-класса и, мужественно перетерпев две минуты формальностей, направилась к зоне досмотра.

– Вынужден спросить еще раз, мастер, вы уверены, что хотите лететь без охраны?

– Охрана в нашем случае не более чем прислуга, не в обиду Джонатану, – рассыпав по лицу сеть мелких морщинок, седой по-отечески улыбнулся второму провожающему. – А я привык одеваться сам. Но если серьезно, там, куда я лечу, нет Хамелеона.

– Не факт.

– Факт, Всеволод Семенович, факт, – мастер похлопал его по плечу. – Уж не знаю, в чем причина, но враги традиционно сторонятся тех мест. У меня сложилось ощущение, что они вообще недолюбливают азиатские горы. Они еще ни разу не появлялись на весьма обширном участке от Алтая до Гималаев. К тому же, бригадир Назарбек встретит меня у трапа.

– А если вы ошиблись и угроза исходит все-таки не от Хамелеона? Насколько я знаю, ученые Цеха давно бьются над разгадкой секрета способностей Хамелеона. Что, если кто-то из них нашел ответ и теперь один из мастеров использует это страшное открытие в своих интересах?

– Тем более, мой друг, – мастер усмехнулся. – В тех местах нет и мастеров. Только два бригадира и десятков воинов. Все из нашей партии. Не вижу повода

для беспокойства.

– В таком случае приятного полета, мастер, – Всеволод Семенович едва заметно поклонился.

Рослый, коротко стриженный, могучий, как скала, и такой же мрачноватый Джонатан повторил его движение и почти сразу чуть качнул головой, выражая неодобрение. Он, как и Всеволод Семенович, был против решения мастера лететь в одиночку, но по рангу ему не полагалось высказывать мнение более одного раза. Свою попытку он реализовал, когда секретарь заказывал шефу билет.

Едва начальство скрылось за перегородкой зоны «С», провожающие по-военному повернулись кругом и направились к выходу из терминала. По пути до дверей они не проронили ни слова. Обоих одолевали нехорошие предчувствия.

– Такое ощущение, что за нами следят, – когда они миновали стеклянные двери, процедил Всеволод Семенович. – И это вовсе не конторские филеры.

– В Конторе целый отдел создали нас раскручивать.

– Удачи им, – бригадир рассмеялся. – Не закружились бы головы от «раскрутки». Но это точно не чекисты.

– Я бы знал.

– Вот именно, – бригадир кивнул. – Это не они, это кто-то реально опасный.

– Мне кошки снились, – буркнул Джонатан. – Плохой сон. К врагам. Всегда сбывается.

– Не обязательно враги в здании, – Всеволод Семенович украдкой оглянулся. – Или ты что-то заметил?

– Нет, не заметил, но с вами согласен, они близко. – Телохранитель нашарил в кармане брелок сигнализации. – Чую. И еще кто-то есть. Кто-то из сна.

Они подошли к машине и привычно осмотрелись. Джонатан на секунду присел и заглянул под машину. Вроде бы все нормально. Никаких мин под новеньким «Тахо» не обнаружилось.

– Не совсем тебя понимаю, – усевшись на место переднего пассажира, сказал Всеволод Семенович. – Ты задумался о карьере Смотрителя?

– Нет. – Джонатан запустил двигатель, но передачу включил не сразу. – Но своим снам я верю. Что-то будет. Плохое. Например, война. Мастер прав. Мирович и Престон – только начало. Или вы думаете, Хамелеон успокоится?

Всеволод Семенович ничего не ответил. Если мастер прав и старейший враг Цеха снова вышел на тропу войны, он не успокоится, даже если захочет. Убивать для него – инстинкт. Противиться ему враг не в силах. Равно как обычные люди не могут перестать есть, дышать и размножаться. Так уж распорядилась природа...»

...Картинка резко сменилась, и очнувшийся Смотритель вздрогнул. Перед ним был все тот же аэропорт, но теперь он видел его вживую, а не через призму всплывшего из глубин памяти сна.

На какое-то время провидцу стало страшновато. А что, если мастер полетит тем же рейсом? Но нет, нет, это был не тот самолет. Смотритель должен лететь на «сорок седьмом» «Боинге», а во сне был какой-то небольшой, вроде старенького отечественного «Як-40» или «тушки»... той, что поменьше, как на сигаретах советских времен. Нет, беспокоиться не о чем, сон был вещим, но не для самого провидца.

Отдышавшись и подождав, когда сердце войдет в нормальный ритм, Смотритель прошел в глубь терминала и остановился перед несколькими телевизионными панелями, вывешенными в ряд на трехметровой высоте. Рейсы были рассортированы по времени отправления. Рейс провидца обнаружился в самом хвосте списка. Стойки 35–39, зона досмотра «С». Регистрация началась минуту назад. Прекрасно. Взгляд скользнул выше. А вот и он, чартер на городок с труднопроизносимым названием. Видимо, где-то в дружественной республике Казахстан. Регистрация уже идет, но вылет всего на десять минут раньше рейса Смотрителя.

Провидец вернулся к началу списка, проверил еще раз и снова уставился на строку информации о казахском чартере. Есть еще один рейс, тоже небольшой самолетик, правда, импортный, но он упадет в океан, погибнут все пассажиры. А этот «Як» или «Ту» ни до какого океана не долетит по определению. Он и до Тянь-Шаньских предгорий не долетит, он рухнет в лесу, среди высоких пышных елей. Так было в вещем сне, так будет и наяву. И не все пассажиры умрут сразу.

Перед глазами снова мелькнул рапид с несколькими стоп-кадрами, акцентирующими внимание на особо кровавых сценах...

«...Как раз в ту минуту, когда „Шевроле“ провожающих покинул стоянку аэропорта, мастер показал приветливой стюардессе корешок посадочного талона и занял свое место в салоне бизнес-класса. Место оказалось в первом ряду, хотя мастер на такую роскошь не рассчитывал. Да и не видел он особой разницы между телеэкраном, закрепленным на спинке впереди стоящего кресла и тем же экраном, вмонтированным в пластиковую стенку. Разве что в первом ряду больше места для ног, но ведь дальше, чем на всю длину, их все равно не вытянешь, а это можно сделать, сидя на любом месте первого салона. А уж на каком месте умирать, если, не дай бог, самолет рухнет, и вовсе безразлично.

Мастер окинул взглядом интерьер воздушного судна. Не новая машина, но еще послужит. Главное, вовремя проводить профилактику и не экономить на запчастях. Мастер откинулся на мягкую спинку и прикрыл глаза. Пока не закончится посадочная суэта, можно подремать. С возрастом мастер начал находить в этом нехитром занятии даже некоторое удовольствие. А ведь когда-то считал сон злейшим врагом и уделял ему не больше трех часов в сутки. Что делает время!

Лететь в первом салоне было приятно: гул двигателей не докучал, да и отрыв от земли получился настолько мягким, что мастер его не заметил. Зато он сразу заметил, что самолет почти не набирает высоту.

Удивиться или испугаться мастер не успел. Звякнул тревожный сигнал, замигал свет, и самолет затрясся, будто в ознобе. После пяти секунд лихорадки лайнер клюнул носом и пошел на снижение. В салоне запахло горелым пластиком, и почти сразу из маленьких ниш в багажных полках вывалились желтые кислородные маски. Это был очень дурной знак. Мастер поймал болтающуюся

маску и прижал к лицу.

Гул двигателей превратился в рев раненого слона, а затем резко оборвался. Во втором салоне истошно завопили женщины. Самолет сильно встряхнуло, и он завалился на левое крыло. Из какого-то секретного отсека выглянула белая как мел стюардесса. Машину снова тряхнуло, снаружи слева послышался сильный удар, и стюардесса, совершив пируэт, упала почти на руки мастеру. Она рухнула на колени перед его креслом и ударилась лицом о подлокотник. Мастер попытался ее поднять, но девушка обмякла и сползла на пол. Мастер увидел ее рассеченное лицо, и ему на секунду стало удивительно – рана выглядела очень глубокой, но крови из нее вытекло всего несколько капель. Однако и эти три-четыре рубиновых капли на фоне мертвенно бледной кожи выглядели страшнее любого фонтана из пробитой артерии.

Самолет лег на правое крыло, сразу же последовал новый удар, тоже справа, и машина начала разворачиваться левым боком по ходу движения. Мастер, наконец, догадался взглянуть в иллюминатор.

За стеклом в неверном свете самолетной фары мелькали ветви хвойных деревьев. Казалось, что они с каждым мгновением набухают и растут в длину и вширь. В действительности это по мере снижения самолета на смену еловым верхушкам приходили ветви потолще.

Новый удар пришелся в днище, а секундой позже удары посыпались, как град, и, казалось, со всех сторон. Самолет окончательно развернулся левым боком вперед, и удары заглушил громкий, невыносимо противный скрежет.

Вопли людей перешли в хриплый вой. В салоне погас свет, и, наконец, случилось то, чего мастер ждал с самого начала. В хвостовой части самолета грохнул мощный взрыв. Горячая, тугая, беспощадная волна ударила в спину и швырнула мастера вперед вместе с креслом. В тело впились тысячи осколков металла, пластика и стекла, но это был еще не конец.

Мастер получил сильный удар в живот и перевернулся вниз головой. Из новой позиции он видел горящий салон, тлеющие кресла и какие-то красные разводы на поменявшихся местами полу и потолке. Дыма было мало, поскольку весь он стремительно улетал в дыру на месте оторванной хвостовой части самолета. В ту же дыру вылетали кресла, багаж и пассажиры. В поле зрения оставались

только двое мужчин из первого салона, а еще несчастная стюардесса, в неестественной позе припечатанная к основанию горящего кресла. Девушку переломило пополам, и ее белокурый затылок почти касался пяток.

Еще мгновение, и последний удар, о землю, должен был прервать мучения, но этот последний миг растянулся, казалось, на целую вечность...»

...- Сумочку в салон?

- Что? - Смотритель очнулся и обнаружил перед собой стойку регистрации. - А, да, с собой.

Перед внутренним взором еще раз мелькнуло бледное лицо красавицы стюардессы, и провидец внутренне содрогнулся; не дай бог встретить ее где-нибудь в посадочной зоне! Предупреждать непосвященных Смотрителям было строго запрещено, под страхом смерти запрещено, но ведь нервы-то не железные. Хотя вряд ли девушка отреагирует на предупреждение какого-то сумасшедшего «авиафоба».

- Сектор «С», прямо и направо, - служащая в форме «Остлайн» мило улыбнулась и указала почему-то влево.

Смотритель кисло улыбнулся в ответ, сгреб билет, паспорт и посадочный талон и побрел прочь от стойки. Но не в зону «С», а к регистрационным стойкам первой десятки. Где-то там с минуты на минуту должен появиться субъект «маленького поручения». Где? Во сне фигурировали аналоговые часы. Смотритель пошарил взглядом. На табло часы цифровые. Где еще? На руке? Нет, те были другими, простыми, но немного странными, будто нарисованными высоко на стене. Да вот же они, на стене и есть!

Двадцать двенадцать. То самое время. А вот и субъект с двумя провожающими у стойки регистрации «бизнес-класса». Какой сектор? Тоже «С»? Вот интересно: бизнес-класс, а зона досмотра та же, что и у простых смертных. Отдельная «рамка», интроскоп, но досмотр по тем же правилам и раздевание почти до трусов не за ширмой, а в общем зале.

Все, что оставалось Смотрителю: дожидаться, когда субъект регистрируется, пройдет контроль у входа в сектор и коротким кивком распрощается с провожающими. Когда провидец появился перед третьей линией контроля, мастер уже снял туфли, верхнюю одежду и теперь вытаскивал из брюк ремень. Смотритель управился быстрее, и на свободную (от нервоотрепок) территорию они попали почти одновременно.

Одевшись, мастер уверенно направился в самый дальний зал посадочной зоны, и Смотритель едва успел отследить его в толпе. Посадка на чартер шла полным ходом, и субъект не задержался больше ни на секунду. Он предъявил талон у ворот под номером 52 и прошел по трапу-трубе напрямиком на борт самолета.

Смотритель плюхнулся в кресло напротив посадочного сектора 51 и утер со лба испарину. Дело сделано. Выражение, сомнительное по форме, но верное по смыслу. Провидец достал телефон и нажал кнопку вызова. Абонент ответил после первого гудка.

- Он на борту, - шепнул Смотритель. - Я свободен?

- Да. - Абонент секунду помолчал. - В определенной степени.

- Но вы обещали...

- Я найду вас, когда понадобится.

- Это нарушение договора! - наклоняясь почти к коленям, прошипел Смотритель.

«Пассажиры рейса 173 авиакомпании „Эс-8“ приглашаются на посадку в сектор 51», - сообщила приятным голосом диктор справочной службы.

- Ваш рейс, - вдруг сказал кто-то у провидца над ухом. - Если это действительно мастер Шуйский, я потревожу вас, только когда выберут нового главу Цехового Совета.

- Это... - Смотритель попытался обернуться, но твердая рука невидимки больно сжала ему плечо, и провидец остался в прежней позе. - Это очень долгая

процедура. К тому времени, возможно...

– К тому времени ему будет нечем командовать, – шепнул невидимка. – А после того, как вы укажете мне на последнего мастера, останусь только я. И вы. Для разнообразия. Всего хорошего, господин Смотритель. Приятных вам снов.

Плечу стало легче, и Смотритель резко обернулся. Ему показалось, что где-то на краю поля зрения мелькнуло нечто вроде легкого облачка сигаретного дыма, но утверждать он бы не решился. К тому же неподалеку была курилка, мало ли? Провидец резко встал, нервно схватил багаж и поспешил к посадочным воротам. Ему страшно хотелось убраться как можно быстрее и как можно дальше. Убраться и выкинуть из головы все, что произошло и привиделось за последние трое суток...

«...Казалось, миг растянулся на целую вечность. Впрочем, так лишь показалось. Ну, или вечность попала поддельная, этакая дешевая китайская побрякушка. Мастер находил в себе силы невесело шутить лишь потому, что умирал не впервые. И каждый раз последний миг растягивался, будто резиновый. Но, как рвется, в конце концов, любая резина, рвалось и последнее мгновение. В точности, как хорошая резина, неожиданно и больно ударяя напоследок по рукам.

В этот раз удар рваной грелки был не только силен, но и горяч. Огненная волна сломала мастера пополам и швырнула на уцелевший третий ряд салона. Громкий хруст ломающихся костей заглушил все прочие звуки, даже вопли последних обезумевших пассажиров и трубный гул пламени. Проткнутое осколками ребер сердце напоследок мелко потрепетало и затихло. Сознание медленно угасало, как бы закрывая текущие «программы». Сначала «выключилось» осязание, затем обоняние и звук...

А секундой позже горячий смерч скрутил «на отжим» и в таком вот компактном виде буквально вбил искореженное тело мастера между креслами, на которых корчились в пламени еще двое пассажиров.

Дольше других продержались «программы» зрения и мышления. Мастер до последней секунды видел и понимал, что происходит. Но даже когда зрение капитулировало: кипящие глаза вытекли из глазниц, а затем вспыхнули вместе с

кожей и мышцами лица, мастер еще осознавал себя.

Ему уже не было больно, он находился в той странной сумеречной зоне между окончанием одной жизни и началом другой, где не существовало ничего, кроме чистого разума. Ни боли, ни эмоций, ни желаний. Он существовал и не существовал одновременно, паря во мраке перехода от боли агонии к боли воскрешения.

Мысль о том, что весь этот кошмар предстоит прочувствовать заново, только в обратном порядке, не особо воодушевляла мастера, но воскрешение стоило и не таких жертв. К тому же мастера никто не спрашивал, хочет он воскресать или нет. Такова была воля мифической Вечности, Бога, генетической мутации... кто знает точно?

Но это чуть позже, а пока... «уснуть и видеть сны, быть может». Хотя, нет. Снов не будет. Будет темнота, пустота, небытие, а затем снова боль. В общем, как всегда...»

...Смотритель резко открыл глаза и шумно выдохнул. Жив! Да, он все время осознавал, что это только повтор вещего сна, но как это было естественно! Провидец удивленно оглянулся. Самолет? Когда это он успел попасть в кресло «Боинга»? Пришел на «автомате»? Ну что ж, так даже лучше, не успел заскучать. Уф-ф! Слава богу, все почти позади!

Он резко вскинул руку и посмотрел на часы. Время! Смотритель повторно увидел «полуфинал» своего сна именно в те минуты и секунды, когда трагедия произошла на самом деле! Невероятно! Ни ему, ни другим Смотрителям такое не удавалось ни разу. Уникальный случай! Интересно, есть ли в этом какой-нибудь скрытый смысл, тайный знак свыше или что-то подобное? И если есть, как его следует толковать?

Провидец взглянул по сторонам. Пассажиры безмятежно сосали карамельки, ничуть не интересуясь происходящим в данную секунду на земле. Никто и не знал, что стоит смотреть вниз. Впрочем, с борта взлетающего «Боинга» цепочки разнокалиберных костров внизу никто не увидел бы при всем желании. Да, пожалуй, и не стоило на это смотреть.

Смотритель прикрыл глаза, искренне надеясь, что ему не привидится финальная сцена из вещего кошмара. Сон уже стал явью, и отныне в сознании Смотрителя ему не было места. В памяти – возможно, в грезах наяву – нет. Да и в памяти-то на уровне полувранья. «Видели по телевизору? А я там был, почти рядом! Почти видел все своими глазами! Мы как раз взлетали в паре километров от места крушения. Настроение, скажу вам честно, было не очень...» В общем, стандартный файл памяти, как у всех обывателей.

Смотритель нащупал в подлокотнике кнопку и немного откинул спинку кресла. И все-таки выкинуть из головы эту историю не удастся, даже если не пригрезится в «закрепляющем повторе» ее окончание. Кроме того, что случившееся было крупной авиакатастрофой, происходившее в эти самые минуты на месте крушения имело еще и глобальное значение, хотя пока об этом знали только два человека на всем белом свете: Смотритель и Хамелеон. Когда же все закончится (или это уже закончилось?), весь мир, сам того не желая и не замечая, свернет на дорожку новой Вероятности развития событий, далеко не прямую и довольно темную. А все из-за трусости Смотрителя, страшно желающего жить и, по возможности, вечно.

Провидец вздохнул. Мир, конечно, было жаль, но себя все-таки «жалче». Он чуть поерзал, устраиваясь в кресле, и, наконец, задремал. Как выяснилось, поступил Смотритель довольно опрометчиво. Финал авиакатастрофы отгремел и больше не мог пригрезиться, а вот финал вещего сна пока не реализовался, и провидцу пришлось-таки посмотреть его второй раз. Все попытки очнуться ни к чему не привели, и Смотритель смирился.

Ну что ж, не такая великая плата за жизнь и за предательство. Что отныне одно и то же...

«...Пожарные, спасатели и медики прибыли к месту крушения спустя полчаса. Вернее, прибыли они в район крушения, а не к месту. Непосредственно к горящим обломкам сумела подъехать только одна пожарная машина на базе „Урала“ и один „уазик“. Экипажам более современных, но отличающихся меньшей проходимостью машин пришлось месить талый снег и грязь ногами. Обломки были разбросаны на большой территории, и спасательная операция в темноте да еще на пересеченной местности шла довольно трудно. Спасательные команды рассыпались и теперь сбивались в случайные группы, медленно бредущие по холодной хляби на свет горящих обломков.

Спасатель из экипажа «уазика» остановился и потянул носом. Частично дым сносило ветром в другую сторону, но видимость все равно была нулевой, а запахи горящего керосина, пластика и дерева чересчур сильными. Они почти полностью перебивали запахи другого рода: пережаренного мяса, паленых волос и тлеющей одежды. Однако спасатель уловил, что хотел. Он обогнул несколько крупных обломков, перебрался через ствол поваленной ели и спустился в неприметную ложбинку, провалившись в талый снег почти по пояс. Выбравшись из сугроба, он снова замер и повертел головой. Запах доносился откуда-то слева. Этот сладковатый, вызывающий волну плохо контролируемого гнева, смрадный запах врага. Его не мог унести никакой ветер. Запах, распалаяющий охотничьи инстинкты и не оставляющий в голове ни одной мысли, кроме приказа «Убей!»

Спасатель выбрался из ложбинки и остановился около тлеющего обломка фюзеляжа. На грязной проталине рядом с обломком не нашлось ничего похожего на оружие, и спасателю пришлось импровизировать. Он оглянулся, чтобы лишний раз убедиться, что его никто не видит, ухватился за горячий кусок дюралюминия и резко, будто кусочек шоколада от плитки, отломил длинную, узкую полоску металла. Сунув обломок в карман форменной куртки, он лизнул обожженные пальцы и направился к темнеющим на снегу скорченным фигурам.

Три сильно обожженных трупа, издали казалось – детских, лежали на крошечной полянке под обугленной елью. Только приблизившись на десяток шагов, можно было понять, что трупы на самом деле не детские. Просто они скорчились в «эмбриональных» позах, настолько сильным было убившее их пламя. Остатки двойного ряда кресел тлели в нескольких метрах от трупов.

Спасатель обошел тела по часовой стрелке и присел над вещицей знакомых очертаний. Это был паспорт. На удивление целый, с едва тронутой пламенем обложкой. Спасатель достал фонарик и осветил третью страницу документа. Чутье не подвело, один из троих был тем, кто нужен.

Метрах в двадцати от спасателя и его находок проковыляли двое пожарных с какими-то баллонами или ранцами за плечами. До спасателя донесся обрывок их разговора:

– ...Вон там основная масса. Полста человек, говорят, было.

– Хорошо, что чартер. Был бы рейсовый, вообще по трупам бы ходили...

Спасатель оглянулся, выбрал ближайший поваленный ствол и уселся верхом. Паспорт он положил в карман, а вместо него достал сигареты и зажигалку. Прикурить можно было от ближайшей тлеющей ветки, но спасатель побрезговал. На ветке пузырилось что-то желтое. Возможно, просто смола, а может, какие-нибудь останки вроде мозгов.

Сигаретный дым не внес существенного улучшения в общую гамму зловония, да еще и привлек «стрелка». Вынырнувший из неверной, разорванной отсветами костров и лучами прожекторов темноты, невысокий пухлый медик по виду был явным халявщиком. Любая работа для него была досадным перерывом в череде перекуров за чужой счет. Пыхтя и сгибаясь под тяжестью не такого уж увесистого с виду медицинского саквояжа, фельдшер пробрался к поваленной ели и, не дожидаясь приглашения, уселся рядом с бездельничающим спасателем. Видимо, решил, что нашлась родственная душа.

– Мужики говорят, командир в эфире орал во всю глотку, – медик опустил воротник зеленоватой куртки и устало вздохнул. – Лядские сугробы. Есть курить?

– Легкие, – спасатель протянул ему пачку «Золотой Явы». – Что орал-то?

– Попытался развернуться и до полосы дотянуть. – Фельдшер вытянул из пачки сигарету и похлопал по карманам. – А огонь? Даже когда они начали елки крыльями косить, все надеялся на что-то. Вот ведь беда-а...

– А что он конкретно кричал? – Спасатель протянул ему прозрачную китайскую зажигалку.

– А х-кто его знает? – Медик чиркнул колесиком, прикурил и «рефлекторно» сунул зажигалку в карман. – Диспетчеры сами в шоке. Орал, говорят, и точка.

– Может, его террористы... того? – спасатель небрежно изобразил человека с ПЗРК на плече.

– Вроде нет. – Фельдшер пожал плечами и неловко перехватил соскользнувший ремень походного саквояжа. – Человек из САБа что-то про лед на элеронах говорил. Видишь, снег валит. Плохо «незамерзайкой» обработали, наверное. А я думаю, судьба у них такая.

– У всех?

– Получается, да.

– Ну-ну, – спасатель вытянул шею и, прищурившись, уставился куда-то в снежную темноту. – Не тебя там зовут?

– Где?

– Вон, где свет.

Спасатель приподнялся и указал на кусок фюзеляжа, воткнувшийся в землю на опушке леса. Фельдшер проследил за его жестом и проворно вскочил.

– О, точно! Шеф маячит. Ни минуты отдыха. Иду, Борис Иванович!

Второпях он запнулся о ближайшего мертвеца и едва не свалился в черный от сажи снег. Поскольку все внимание медика было сосредоточено на начальстве, а конвульсивное движение пальцев руки пострадавшего было минимальным, фельдшер его не заметил. Зато его заметил спасатель. Он вновь оглянулся по сторонам, отбросил окурок и присел над обгоревшим пассажиром. Некоторое время он просто сидел и наблюдал, как на остатках одежды погибшего тает мокрый мартовский снег, затем ухватил труп за плечо и легко перевернул.

Мертвец уже не выглядел пережаренным куском мяса на переломанных костях. Руки и ноги выпрямились, плоть стала мягкой и податливой. Обгоревшее лицо пассажира тоже менялось на глазах. Поначалу изменения скрывал слой снега, но затем в сплошной белой маске протаяла маленькая дырочка, – напротив рта – из которой вырвался легкий парок. Еще через несколько секунд снежная маска сползла по щекам, и спасатель увидел лицо оживающего человека. Было оно вовсе не обожженным, а вполне целым и здоровым, только покрасневшимся, как после бани. Спасатель открыл найденный паспорт и сверился с

фотографией.

– Юрий Михайлович Шуйский, – нараспев прочитал спасатель. – Какую-то фамилию вы себе выбрали, мастер, несерьезную. Вот раньше у вас были: Блэксворд, Моргенштерн, Хельм. Сплошной звон металла. Боевые были фамилии, звучные.

– Хамелеон... – хрипло выдохнул Шуйский, пошарив вокруг мутным, невидящим взглядом. – Я... был... прав. Самолет... почему он упал? Это... сделал... ты?

– Если бы это сделал я, вы погибли бы сразу, милорд, без мучительного, но бесполезного воскрешения. Нет, все случилось само собой. Правда, я знал, что это произойдет.

– Тебе сказал... Смотритель?

– А что ему оставалось? У меня и немые говорят. Все цепляются за жизнь. И люди, и звери, и даже такие твари, как вы.

– Ты убил Смотрителя? Их убивать... нельзя... даже тебе.

– Знаю. Если вас это так волнует – он жив. Я поступил по-джентльменски. Смотритель сдал вас, мастер, и спокойно улетел в деловую командировку. Алиби ему обеспечено. Я же остался здесь, прошу ненавидеть и бояться!

«Спасатель» развел руки в стороны и театрально поклонился.

– Я... заплачу большие деньги... я...

– Не смешите, милорд, – «спасатель» стер с лица гримасу шута и поморщился. – Я не такой идиот, чтобы покупать себе смерть. Я и есть смерть. Во всяком случае, для вас. Таков уж мой крест.

– Чего же ты ждешь?! – Шуйский оперся на локти и чуть приподнялся. – Добивай!

– Я жду, когда у вас восстановится зрение, мастер, – наклонившись к нему, понизил голос «спасатель». – Мой личный кодекс чести требует посмотреть

врагу в глаза, прежде чем убить его. Не правда ли, благородно по отношению к приговоренному? Дать ему шанс увидеть напоследок небо и своего палача! Ведь это будет ваша реальная смерть, такое зрелище увидишь только раз в жизни. Но ваши глаза пока похожи на белок глазуньи. – Он выпрямился и добавил уже спокойнее: – Времени целая вечность, я подожду.

– Думаешь, напугал?

– Думаю, нет. Это что-то меняет?

Мастер Шуйский, обессилев, упал на снег и попытался смежить воспаленные веки, но они не послушались. Мутные глаза постепенно становились прозрачнее, но казалось, что он по-прежнему ничего не видит. Взгляд его был устремлен к серым, сыплющим мокрым снегом небесам.

«Спасатель» медленно, явно рассчитывая на реакцию со стороны будущей жертвы, вынул из кармана сине-оранжевой куртки дюралевый обломок. Хотя бы боковым зрением (оно уже наверняка восстановилось) Шуйский был обязан увидеть это импровизированное оружие, но реакции с его стороны так и не последовало.

– Да, мастер, выдержки вам не занимать, – «спасатель» усмехнулся. – Но вы меня все равно видите. Я читаю это в ваших предсмертных мыслях.

Хруст и чавканье воткнутого и провернутого в глазнице обломка растворились в хрусте снега под ногами нескольких спасателей, вывернувших из-за большого куска фюзеляжа.

– Что у тебя?! – окликнул один убийцу.

– Три двухсотых! Двое обгорели, зато один будто только родился. Но все равно ему не повезло, на осколок напоролся.

– Понятно. Царствие им всем небесное. У тебя носилки есть?

– Сейчас принесу. Пакуйте пока.

– Ага, давай, – подошедший ближе спасатель заглянул в лицо Шуйскому. – Ну, точно не повезло мужику. На вид-то совсем целый, мог бы выжить.

– Мог бы, – согласился убийца и, подняв воротник, пошагал сквозь запоздалую мартовскую метель в направлении «уазика», все-таки застрявшего в холодной грязи.

Примерно на половине пути до «санитарки» одежда и лицо «спасателя» стали грязно-серыми, в точности как подтаявший снег вокруг, а силуэт, казалось, потерял определенные очертания. С каждым шагом загадочный оптический эффект усиливался, и то, что странный убийца поравнялся с машиной, можно было определить лишь по следам на снегу...»

...Смотритель проснулся свежим и бодрым. Стюардессы очень кстати начали разносить ужин, и провидец понял, что основательно проголодался. Вопреки опасениям, кусок в горле не застревал, а красное вино не напоминало о залитом кровью салоне упавшего самолета. Да оно и понятно. Не будь у Смотрителей своего рода иммунитета к мукам совести, они сходили бы с ума после первой же реализации вещей снов. Но этого не случилось. Никто из провидцев не вспоминал о предвидениях после их воплощения в текущей Реальности. Так было и сейчас. Мастер умер? Его проблемы. Его и Цеха. К Смотрителю претензий быть не может, он волен рассказывать о снах или нет, по собственному усмотрению. Если Хамелеон не выдаст, все будет шито-крыто. А ему выдавать союзника не резон. Сам же сказал: «Можешь еще понадобится». К тому же, так было предсказано в следующем вещем сне. В том самом, где Совет Цеха обратился к провидцу с просьбой найти детектива для «усиления» опергруппы бригадира Островского, занятой поисками Хамелеона. Стали бы они обращаться, подозревая Смотрителя в предательстве?

Кстати, надо заранее продумать, кого порекомендовать Островскому. Кого-нибудь никчемного, неспособного даже случайно наткнуться на след Хамелеона. Во сне, кажется, даже фигурировал намек на фамилию кандидата. Видение начиналось с густого тумана, в котором бродили несколько человек из окружения Островского. На какой-то момент туман стал не таким густым, а затем сквозь него проступили очертания человеческой фигуры, которая поманила подручных бригадира за собой. И они пошли, обмениваясь репликами: «Ищейка свою работу знает» и «У парня есть нюх». Обычно в вещих снах каждая деталь имела значение, и необязательно ее следовало трактовать прямо.

Например, туман мог указывать на время действия: лето, раннее утро, но мог быть намеком на фамилию незнакомца. Туман... Туманов? Фамилия нередкая. Надо пробить по базе, имеется ли в Москве такой частный сыщик, и если да, то насколько безупречен его послужной список. Если все пойдет так, как предвещал сон, пусть этот Туманов помогает Островскому хоть до потери пульса, Хамелеона им не найти. Ну, а там придет черед реализации третьего сна. Самого жуткого, но зато и самого выгодного Смотрителю. Сна, в котором Цех канул в Вечность, а в реальном мире остались только Смотритель и Хамелеон. Двое избранных на весь мир. Каждому по половинке, разве не выгодная сделка?

Покончив с ужином, провидец вытер пальцы влажной салфеткой, стряхнул крошки с галстука и полюбовался собой, насколько это было возможно без зеркала. Все чисто. Как совесть Смотрителя.

* * *

– Женя, ты едешь?

– Я до парка.

– Поздно уже, не боишься?

– Позвоню Гарику, встретит.

– Вот уж защитник! Его самого защищать надо. Поехали с нами, до Янгеля.

– Вкруговую? На час дольше... – Женя устало покачала головой. – Сил нет.

– А по лесу идти силы есть?

– Мне что от парка, что от Янгеля, до дома одинаково идти. Нет, девчонки, поеду до Битцевского.

– Как знаешь. Встретишь маньяка, привет передай.

– И телефончик возьми.

– Типун вам... – Женя помахала хихикающим подружкам и вошла в вагон.

Подруги в чем-то были правы. С тех пор как в лесопарке завелся серийный убийца, ночные прогулки из Ясенева в Чертаново стали смертельно опасны. Судя по сообщениям в прессе, с конца марта по начало августа неуловимый «зверь» загубил двенадцать душ! И никакие милицейские облавы или рейды сколоченной местными жителями дружины не могли обеспечить полной безопасности. Лес есть лес, пусть и не дремучий. Ночью три дерева – уже укрытие, а пять кустов – засада.

А ведь еще полгода назад никому и в голову не могло прийти, что экологически чистый юго-запад города, такой спокойный и даже престижный, может стать опасным. Ясеневские старожилы припоминали, что давным-давно здесь уже ловили маньяков, но в целом район никогда не ассоциировался с опасностью. С местом, где при Советах давали квартиры научным работникам и военным – да, в последнее время – с экологической чистотой и высокими ценами на жилье, но с опасностью, да еще смертельной – нет! До последнего времени. Но в марте все изменилось. Сначала поползли слухи, затем о проблеме заговорили в СМИ, а к середине лета страх превратился в массовый психоз и принял устойчивый характер.

Но, с другой стороны, – волков бояться... Чему быть, того не миновать. Терять драгоценные полчаса на путь до Кольцевой, затем по ней до соседней ветки, а потом еще сорок минут, чтобы попасть почти туда же, где можешь спокойно оказаться всего через четверть часа – глупо. Ну и пусть опасно идти через лесопарк, зато воздух свежий. А маньяк... ну встретится, ну нападет... удастся отбиться, значит, судьба, не удастся – не судьба. И думать не о чем, все пустое.

Мест в вагоне было предостаточно; после «Профсоюзной» поток пассажиров превращался в робкий ручеек, особенно в столь поздний час. Женя села в самом хвосте вагона и механически вынула из сумочки книжку. Ехать было меньше получаса, от усталости глаза слипались, но привычка читать в метро закрепила на уровне рефлексов. Женя пролистала несколько страниц в поисках закладки – старой карточки на десять поездок, но ничего не нашла. Закладка, похоже, выпала. Женя пробежала по диагонали пару страниц и все-таки отыскала нужное место. Девушка устроилась поудобнее и попыталась сосредоточиться на тексте. Попытка с треском провалилась. Новый роман

Донцовой был, как всегда, интересным, но побороть усталость Женя так и не смогла. Буквы поплыли примерно на десятой секунде, а на двадцатой глаза сами собой закрылись, и Женя клюнула носом. Еще до «Новых Черемушек» она отключилась, будто кто-то щелкнул тумблером.

Проснулась она тоже резко, от хлопка дверей. Механический голос пробубнил: «Следующая станция „Ясенево“, и поезд начал разгоняться. Женя снова закрыла глаза, но сонливость почему-то прошла. Девушка поморгала, „настраивая резкость“, и окинула взглядом вагон. Кроме нее, пассажиров не осталось. Женя посмотрела влево. В соседнем вагоне народу было тоже немного, только двое мальчишек лет пятнадцати и дремлющий мужчина в камуфляжной куртке. В такой же, как у брата.

Женя отвернулась и тихо вздохнула. Мысль о брате потянула за собой цепочку других мыслей, и Женя окончательно проснулась. Она не помнила, что ей снилось, но в любом случае эти двадцать минут сна были гораздо приятнее предыдущих восемнадцати часов бодрствования. И не только потому, что Женя хоть немного отдохнула. В нереальном мире сновидений не было проблем, буквально измотавших Женю в последнее время.

Особенно тяжело стало, когда вернулся брат. Его служба закончилась на полгода раньше срока, но не потому, что Володя передумал и расторг контракт. Причина была страшнее. Как значилось в медицинском заключении, брат получил тяжелую контузию во время боевых действий и провалялся в госпитале целых пять месяцев. Врачам удалось его спасти, но полностью восстановить здоровье у них не получилось. Володю привезли домой на специальной машине в сопровождении санитаров.

Когда Женя увидела брата, ей стало жутко. Вместо красивого и жизнерадостного парня, острого на язык и быстрого в делах, перед Женей предстал худой, сутулый человек, с пустым потухшим взглядом и полным отсутствием интереса к окружающей действительности. Как объяснил врач, Володя не сошел с ума, а «ушел в себя». В чем разница, доктор не расшифровал, но гарантировал, что проблем с больным не возникнет. Никаких приступов буйства или судорог за время пребывания в госпитале у него не случилось, и нет причин подозревать, что они возникнут в дальнейшем. Брат и вправду вел себя тихо, мог выполнять простейшие действия, медленно и неуверенно, будто слабовидящий, и не реагировал ни на какие раздражители или слова, даже на собственное имя или боль. Врач сказал, что состояние сложное, но надежда на

выздоровление все-таки имеется, только нужно будет пройти курс реабилитации в специализированном санатории. Направление на реабилитацию в сопроводительных бумагах имелось, но по множеству объективных причин устроить Володю в санаторий светило не раньше осени. До этого времени, больше полугода, ухаживать за братом и «реабилитировать» его предстояло Жене. На мать, давно и прочно увязшую в алкогольном болоте, надежды не было, а отец не появлялся на горизонте уже года три; как уехал куда-то на заработки, так и ни слуху, ни духу, только почтовые переводы из какой-то странной организации – «ФВ СВР», успешно пропиваемые матерью ровно за неделю.

Так все и получилось. Мать вечно шлялась неизвестно где, а Женя крутилась, как белка в колесе. С грехом пополам окончила школу и, не дожидаясь выпускного вечера, устроилась на простейшую работу. Платили мало, но зато был скользкий график и возможность подмениться. А все свободное время Женя ухаживала за братом. Поначалу было очень тяжело, но потом втянулась, привыкла. Немного напрягало, что некогда было встретиться с Костей, знакомым парнем из Тропарева, но этот роман все равно не имел особых перспектив, так что – бог с ним, с Костей. Когда существуешь в таком режиме, времени не остается даже на нормальный сон, что уж говорить о личной жизни? Даже пообщаться с подружками некогда, какие могут быть свидания?

И все-таки Женя ни о чем не жалела и никого не винила. Так бывает в жизни, что тут поделать? Когда-нибудь все наладится. Брата подлечат, а мать нагуляется и возьмется за ум... хотя и на то, и на другое надежды мало, как воды в пустыне. За четыре месяца в состоянии брата не намечалось никакого улучшения. Он по-прежнему часами сидел, глядя в одну точку, или шатался по квартире, как зомби, иногда забредая на кухню, чтобы, почти не жуя, съесть то, что лежало на кухонном столе. При этом в глазах у него по-прежнему не возникало и проблеска мысли. Взгляд плавал, не задерживаясь ни на чем и ни на ком. Зафиксировался он лишь однажды, когда мать пришла домой в плохом настроении. Ей, видимо, не хватило ста граммов, и она начала требовать у Жени денег. Когда Женя отказала, мамаша решила применить силу и замахнулась, чтобы вlepить непослушной дочери пощечину, но ее руку перехватил Володя. Это стало полной неожиданностью и для Жени, и для матери, но больше всего их обеих поразил взгляд Володи. Он смотрел осмысленно и строго. Смотрел всего несколько секунд, но у матери тотчас прошел весь воинственный пыл. Она села посреди кухни на табуретку и расплакалась. Просто сидела и плакала, без текста. Лишь однажды между всхлипываниями обронила: «Саша...» Почему она вспомнила отца, Женя догадывалась. Ей Володин взгляд тоже сильно напомнил отцовский.

Жаль, что это было лишь секундным просветлением. С тех пор минуло два месяца, но ничего похожего ни разу не повторилось.

Поезд начал притормаживать, и Женя приготовилась выходить.

«И до осени вряд ли повторится. – Женя вышла из вагона и побрела к выходу, глядя под ноги. – А там посмотрим. Надеюсь, в мире есть справедливость, и это не навсегда».

На свежем воздухе тягостные мысли ушли, уступив место легкой тревоге. Идти ночью через парк было боязно. Такие знакомые и безопасные места теперь виделись иначе – как действительно дремучий лес, полный призраков и леших. Женя немного постояла у метро, раздумывая, как поступить, потом решила и пошла к лесопарку. Звонить Гарику Женя не стала. Этот парнишка из соседней квартиры, давно и по уши влюбленный в свою вечно усталую и недоступную соседку, на самом деле, не мог послужить надежной охраной. Компьютерный мальчик и кулак-то не умел правильно сжимать. К тому же пришлось бы ждать у метро еще полчаса, быстрее Гарик не домчится.

Женя прошла мимо стоянки «маршруток» и направилась по знакомой тропинке к прямой как стрела дороге-просеке, которая должна была вывести почти к самому дому.

Идти было не тяжело, короткий сон в метро частично вернул силы, только холодно и сыро, накрапывал дождик. Женя застегнула куртку и набросила капюшон. Этот дождь порядком надоел. Август называется! В прошлом году в это же время стояла такая жара – хоть вешайся, а в этом... не поймешь, что происходит. То весна никак не могла начаться, теперь вот лето досрочно кончилось. Целыми днями одно и то же: то льет, то моросит. Хорошо, что не накрашена, а то бы точно на старуху с косою смахивала: бледная и с черными кругами под глазами. На туши написано, что водостойкая, но вряд ли она проходила восемнадцатичасовые испытания стопроцентной влажностью. Кстати, подарок преданного кавалера. Наверное, месяц на карманных расходах сэкономил или отказал себе в покупке какого-нибудь компьютерного «прибамбаса». Он может, он такой, настоящий Ромео.

«Нет, все-таки надо было вызвать Гарика, пусть бы зонт принес. Но теперь нет смысла, ноги все равно промокли, и куртка скоро будет насквозь. Да и осталось

тут...»

Женя остановилась. Чтобы выйти прямо к подъезду, следовало свернуть в лес и пройти метров двести по тропинке. Днем Женя свернула бы не раздумывая, а вот ночью... она расстегнула сумку и пошарила в секретном кармашке. Старый, но грозный складной нож с трехдюймовым лезвием и фиксатором был, в отличие от Гарика, достаточно надежной защитой. Правда, при условии, что умеешь им пользоваться. Женя в принципе умела. Азам этого искусства ее научил отец, бывший офицер-десантник, как раз накануне своего отъезда на север. Позже кое-какие навыки она отточила в шуточных поединках с братом, а однажды приемы владения холодным оружием ей пришлось продемонстрировать во дворе, правда, тогда Женя орудовала дедовской «опасной» бритвой. Обошлось без жертв, но опыта прибавилось. И авторитета, кстати, тоже. Во дворе Женю даже стали называть «Женька-Бритва». А этот нож ей достался позже, как наследство. Сначала его постоянно носил в кармане отец, потом брат, а после того как Володя ушел в армию, семейное оружие перекочевало в сумку к Женечке. Да так и осталось у нее в сумке. Ничего острее ложки Володе больше не доверялось.

Покончив с колебаниями, Женя открыла нож, вытерла руку о джинсы и крепко сжала рукоятку оружия, положив большой палец на основание клинка, как учил отец. Если ожидаешь нападения, но не знаешь, когда оно произойдет, нож следует держать в готовности и именно так, потому что первая реакция на опасность будет рефлекторной – оттолкнуть врага. Если у тебя в руке нож, само собой выйдет, что ты не просто отталкиваешь, а совершаешь выпад, атакуешь в корпус. Все просто.

Под деревьями дождь почти не досаждал, но куртка уже промокла, и теплее Жене не стало. Да еще к дрожи от холода присоединилась нервная. Девушка попробовала двигаться энергичнее, но куртка зашуршала, а кроссовки захлюпали, и эти звуки перекрыли все шепотки ночного леса. А слышать шепотки было очень важно. Чтобы не пропустить какое-нибудь предупреждение об опасности. Пришлось забыть про размашистые движения и снова перейти на «кошачий» шаг.

Примерно на полпути Жене показалось, что поблизости кто-то есть. С трудом одолев дрожь, девушка на секунду замерла, прислушиваясь. Справа доносились какие-то хлопки, будто очень далеко разрывались маленькие китайские петарды. Ничего особенного в самой трескотне не было, мальчишки тырили

петарды на рынке и устраивали фейерверки почти каждый вечер, но Женя отчетливо различала и другие звуки, похожие на невнятные выкрики и топот. Это уже походило на «саундтрек» драки. В отличие от безобидного «фейерверка», эти звуки настораживали. Мало маньяка, так еще и драчуны завелись? Куда катится «экологически-престижный» район?!

«Это выстрелы! – вдруг дошло до Жени. – А топот и крики – это облава! Никакие это не драчуны. Ловят маньяка!»

Женя собрала остатки сил и понеслась по тропинке быстрее лани. За звуком своих шагов она уже не слышала выстрелов, но ей все равно казалось, что облава гонит «зверя» прямо на нее. Мучительно хотелось оглянуться и рассмотреть между деревьями вспышки или уловить звуки, по которым можно сориентироваться в обстановке, но Женя понимала, что это опасно, и потому бежала без оглядки.

И все же любопытство пересилило и страх, и здравый смысл. Женя оглянулась всего один раз, буквально на четверть секунды, в результате ничего не рассмотрела, зато потеряла тропинку. В панике она метнулась влево, затем вправо, врезалась в дерево, больно ударив плечо, снова шарахнулась влево и... очутилась нос к носу с каким-то человеком в темной одежде. Человек резко затормозил и протянул руки к горлу девушки. Женю окатила тяжелая, холодная волна ужаса, которую в доли секунды сменило другое, ранее неведомое чувство. Ей показалось, что кровь буквально закипает, а глаза затягивает полупрозрачной пленкой, отфильтровывающей все лишнее и одновременно обостряющей сумеречное зрение, делая его подобным прибору ночного видения. Это было странно, но лес вокруг внезапно стал светлее, а фигура маньяка обрела вполне отчетливые очертания. И не только фигура, Жене показалось, что она даже различает черты его лица. На смену страху внезапно пришел безудержный гнев. Невольно вырвавшийся крик застрял в глотке, Женя захрипела и, увернувшись от рук врага, ударила ножом. Сначала она решила, что удар не достиг цели, но на руку брызнули теплые капли, а маньяк застонал, согнулся и начал заваливаться вправо.

Женя отпрыгнула в сторону и почувствовала, что под ногами снова твердая почва. «Ночное видение» помогло рассмотреть тропинку, и Женя бросилась бежать. За спиной пару раз хлопнуло, и боковое зрение уловило отблески коротких вспышек. Похоже, маньяк был вооружен пистолетом. Женя хотела было снова метнуться в кусты, но необходимость в этом отпала сама собой:

тропинка изогнулась и увела ее с линии огня. Только в этот момент Женя сообразила, что бежит не к дому, а обратно к просеке. Но главное сейчас было выбраться на открытое место, поэтому девушка не сбавила темп и через полминуты оказалась на том самом месте, откуда начала свой рискованный марш-бросок через темную чащу.

Очутившись на дороге, Женя притормозила, а затем и вовсе остановилась. Силы кончились. Она устало присела на столбик дорожного ограждения и попыталась восстановить дыхание. Клокочущий гнев постепенно уходил вместе с обостренным сумеречным зрением. Лес снова потемнел, и ориентироваться в нем опять стало надежнее на слух и нюх. Женя задержала дыхание и прислушалась. Кроме стука собственного сердца, она не услышала почти ничего. Разве что где-то вдалеке хрустнуло несколько веток, и прошуршали шины.

Девушка вытянула шею, пытаясь рассмотреть, что происходит метрах в двухстах от нее, по направлению к дому. Кажется, там остановилась машина. Фары она почему-то не зажигала, но Жене были видны отсветы стоп-сигналов. Машина ехала со стороны Чертанова и остановилась примерно напротив того места, где Женя столкнулась с маньяком. От мысли об этом чудовище на секунду вернулся гнев, а вместе с ним и обостренное зрение. Машина была белым фургоном, вроде «Скорой». Из нее вышел высокий мужчина. Женя перевела взгляд вправо и вздрогнула. А навстречу ему из кустов вышел... маньяк! Он сгибался почти пополам, прижимая левую руку к животу, а правой держался за плечо какого-то человека, по виду типичного местного жителя (это было несложно определить даже в слабых отсветах фонарей машины). Что, интересно узнать, он делал ночью в лесопарке? И откуда он взялся так вовремя?! Человек в «Скорой» точно не мог знать, кого спасает, а вот этот местный... очень даже мог! Например, если наблюдал за похождениями маньяка и ловил кайф от вида крови. Тогда он такая же скотина, как и этот зверь в человеческом облике, а значит, его нужно отправить туда же, куда обязательно отправится маньяк!

Высокий мужчина бросился навстречу ковыляющей парочке, подхватил раненого на руки и понес к машине. Видимо, этот «доктор» был очень сильным, поскольку нес пациента, как пушинку. Эх, знал бы он, кого спасает! Проклятье! А если маньяк начнет стрелять в своих спасителей? Помощника не жалко, а вот доктора... Женя сделала пару шагов в сторону фургона, но поняла, что не успеет, и остановилась. Хлопнули задние двери, машина развернулась и помчалась прочь. На просеке снова воцарилась полнейшая темнота и тишина.

Куда подевался добровольный помощник маньяка, Женя не поняла. Вряд ли его тоже увезла «Скорая», скорее он снова спрятался в лесу. Женя от злости даже задохнулась и громко скрипнула зубами.

«Ну, нет, так просто эта сволочь не уйдет!»

Будь сейчас день, догнать этого «болельщика» было бы нетрудно, но искать его по кустам темной ночью не имело смысла, даже если вновь обострится сумеречное зрение. Заляжет, наступишь – не заметишь. Мало ли дерьма там валяется.

Женя перевела дух и принялась лихорадочно искать в сумке платок. Отыскался он, как обычно, на самом дне. Девушка старательно вытерла нож, затем руки и забросила окровавленную тряпицу в кусты. Нервное напряжение пошло на убыль, и страшно захотелось писать. Так бывало всегда после чего-нибудь страшного. Женя сделала пару шагов в сторону от дороги и уже собралась присесть, как вдруг уловила запах костра. Девушка повертела головой и заметила между деревьями слабый отблеск. Поскольку воинственный пыл пока еще теплился, она крепче сжала рукоятку ножа и бесстрашно двинулась на свет костра.

Из зоны света и тепла выскользнула и попятилась под прикрытие деревьев какая-то тень.

– А ну, стой! – крикнула Женя, взмахнув ножом. – Сядь, где сидел, не то порежу!

– Э-эй, соседка, ты чего?! – тень проковыляла обратно к костру. – Убери перо! Сдурела, блин, девка!

Ни ростом, ни фигурой, ни походкой этот человек на помощника зверя не смахивал даже отдаленно, и Женя немного остыла. К тому же она узнала в нем старого знакомого. Он всегда был выпивохой, но других серьезных прегрешений за ним не числилось, а крови, насколько помнила Женя, он вообще боялся, как огня.

– Еремей, ты?

– Я, на, кто ж еще? – бывший сосед Еремеев уселся на какой-то ящик. – Ты чего тут ночью забыла, на? Сымаеся, что ль?

– Кто это был? – Женя сложила нож.

– Где был, на? – сосед повертел головой. – Тут прямо был?

– С ручника снимись! – Женя почувствовала, что ее снова начинает потряхивать, но теперь не от страха и напряжения, а от элементарной злости на этого тупицу. – Он отсюда к дороге вышел, раненого притащил к белому фургону!

– Какого, блин, раненого? Какой, блин, фургон? Кто ранил, на? Ты, что ль? Пырнула, что ль? Ну, ты даешь, на! – Еремей хрипло рассмеялся и подмигнул. – Всем?

– Не дожدهшься, тебе не дам, – Женя спрятала нож и попыталась успокоиться. – Кто он? Ты сним квасил?

– Ну, может, и с ним, на, я ж не знаю. – Еремей поскреб в бороде, кого-то изловил и раздавил грязным, обломанным ногтем. – Вечеряли мы тут с одним корешем у костерка, а потом он вдруг с места в карьер, на, и был таков. Приспичило небось, с кем не бывает?

– Давно приспичило?

– У меня тут «ходиков» нет. Ну, может, с полчаса.

– И больше никого тут не было?

– Не-а.

Еремей будто бы невзначай постучал корявым пальцем по Жениной сумке. Поскольку там ничего не звенело и не булькало, интерес к пустому багажу он тут же потерял. Женя тем временем собралась с мыслями.

– Как он выглядит?

– А я разглядывал, на? – сосед зевнул и поворошил угли обгорелой веткой. –
Голос, на, вроде знакомый, наливал поровну, на кой бес мне его разглядывать? Я
не разглядывал. Вот если б он себе больше плеснул, на, я бы его...

– Хватит трепаться, – грозно приказала Женя. – Голос на чей похож?

– Да бес его знает, на. – Еремей пошарил в траве позади себя и выудил влажный
бычок. – У тебя папироски нет?

– Нет.

– А парфум не китайский? Говорят, с китайского сразу боты на шкаф. Польский
лучше всего, на. У тебя какой?

– Не пользуюсь. Дезодорант пойдет? Шариковый, отечественный.

– Не-е, блин, я чего, лизать его буду, что ль? – Еремей отвернулся, вынул из
костра тлеющую ветку и принялся старательно раскуривать бычок. Преуспев, он
задумчиво почесал под кепкой лысину и вернулся к теме: – Может, и не похож
голос-то. Просто показалось, может. Он же наливал, вот я и...

Женя махнула рукой и быстро пошла к дороге. Толку от такого свидетеля ноль.
Вот если ему налить... нет, все равно будет ноль. Насочиняет он за бутылку
больше Толстого, но Жене сочинения Еремея, бывшего соседа по площадке, а
ныне «странствующего алкаша», до лампочки. Она была уверена, что эту
бессовестную скотину, страхующую маньяка, сумеет найти и без помощи
случайного собутыльника. У Жени имелись кое-какие знакомые и среди
«дружинников», и среди хулиганов. Не одним, так другим «тема» должна
понравиться. Лучше бы, конечно, подписались «дружинники», связываться со
шпаной – не лучший вариант, но упускать возможность покончить с кошмаром
никак нельзя. В конце концов, шпана не менты, отыщут прихлебателя в момент
и бесплатно. А через него и на маньяка выйдут. Им этот зверюга тоже
порядком надоел. Во дворе говорили, что одна из погибших девчонок дружила с
Бритым, а он как раз из «бригады» Кощея – «бандитствующего патриота» и
вообще скользкого типа, но при этом большого любителя спокойствия и порядка
в родном районе. В общем, дело стоило нервов.

* * *

- Выглядите, как подстреленный орел, - мастер Чесноков усмехнулся. - Болит?

Вообще-то Островский не находил в сложившейся ситуации повода для веселья. Совсем не находил. Начальству, конечно, виднее, да и дырка в животе не у него, но все-таки можно было вести себя и потактичнее.

- Ноет, - Островский поморщился и осторожно погладил бок. - Заживает непривычно медленно. Шесть часов прошло, а рана до сих пор не затянулась.

- Главное - живы, - мастер развалился в кресле и поправил очки.

Островский внутренне вскипел, но постарался скрыть эмоции. Что поделаться, если так сложилось? Начальство не выбирают.

Мастер Чесноков никогда не слыл особо чутким человеком. Всеволод Семенович отлично помнил времена, когда Чесноков был бригадиром, затем начинающим мастером на Северо-Европейском участке, членом Цехового Совета по вопросам автоматизации... всегда было одно и то же: безупречная работа и полное равнодушие к подчиненным. Его вообще интересовали только две вещи: работа и трубки. Или наоборот, не суть важно. За целеустремленность и работоспособность его можно было уважать, все так и делали, но чуткости мастеру явно не хватало, это тоже замечали все, кто трудился на его участке.

Бригадир снова коснулся повязки. Ныло невыносимо. Понятно, что Чеснокову чужие раны до лампочки, но мог бы и посочувствовать, все-таки не первый день знакомы.

- Жив, - процедил бригадир сквозь зубы. - Разрешите продолжать?

- Продолжайте, - мастер снова поправил очки, но теперь не рукой, а сооротив особую мину.

Очки ему шли, как корове седло. И нужны были так же. Со здоровьем у членов Цеха никогда не было проблем (не считая ранений, полученных от Хамелеона), так что всякие очки и трости - это выпендрож чистой воды. Лучше бы вес

сбросил, усики свои дурацкие сбрил да трубкой перестал дымить, дышать невозможно! Сегодня внешность и привычки мастера раздражали особенно сильно, но Островский мужественно терпел, субординация прежде всего. Бригадир взял себя в руки и продолжил:

– Маскировка у врага высший класс, он действительно сливается с окружающей местностью, как хамелеон. Буквально растворяется. Мы взяли его в кольцо, положили по магазину точно в цель, как нам показалось, но на самом деле только попортили деревья. А потом начался ночной кошмар наяву. Хамелеон орудовал ножом, но его нож был гораздо быстрее наших пистолетов.

– У Хавьера нет ножевых ран, – заметил Чесноков.

– Ему враг сломал шею. Подкрался сзади и свернул, одним движением, как в кино. Силы ему явно не занимать. Я выстрелил, но промахнулся. Джакомо и Василий бросились на врага, но он выскользнул у них из рук и ударил итальянца в затылок. Вы видели, как проламывают череп ножом?

– Русским штыком. Последний раз это было в четырнадцатом.

– Согласитесь, зрелище впечатляющее.

– Ничего особенного. Вот когда бастардом рассекают до сидалища закованного в броню рыцаря... помнится, Джонатан это умел. Почему вы не взяли его с собой?

– У Джонатана было свое задание. Он готовится действовать по особой программе.

– Неужели? – Мастер подался вперед. – А почему я о ней ничего не знаю?

– Это еще на уровне подготовки. – Островский всем своим видом постарался показать, что перспективы у затеи имеются, но пока докладывать практически нечего. Даже не стоит и начинать.

– Ну-ну. – Чесноков открыл резную шкатулку и вынул из нее новую трубку. – Перейдете на уровень выше, не забудьте предоставить отчет. Продолжайте.

- Обязательно предоставлю. Дальше было не лучше. Василий получил ножом в горло. Именно так: не по горлу, а в горло, колющий удар справа, нож пробил обе сонные артерии.

- Точное движение, мастерское.

- Артура Хамелеон убил ударом в сердце, тоже очень точным.

- И тогда вы решили бежать?

- Я оставался один на один с невидимкой, - Островский нахмурился. - Причем «слепым» в данной ситуации был только я. Хамелеон меня отлично видел. Что мне оставалось?

- Я вас не виню, - мастер снисходительно кивнул и принялся раскуривать трубку. - И что же случилось дальше?

- Я бежал со всех ног, почти выбрался на шоссе, но Хамелеон каким-то непостижимым образом успел совершить обходной маневр и выскочил мне навстречу. Я почти схватил его за горло, но не рассчитал и промахнулся. Честно говоря, во время первой стычки мне показалось, что он выше ростом. Я потерял равновесие, и враг успел ударить. Я выхватил пистолет и начал стрелять, но Хамелеон исчез. Я пополз к дороге... а дальше... дальше я плохо помню. Если бы не случайный помощник из местных и вовремя подоспевший Джонатан, сидевший в фургоне, для меня все могло закончиться так же плачевно, как и для остальных.

- Хамелеона так и не рассмотрели?

- Нет, на то он и Хамелеон, - Островский огорченно вздохнул и уставился на столешницу. - Но поиск хотя бы принес первые плоды.

- Слишком велика цена, - жестко парировал мастер. - Есть идеи?

- Мы знаем, где Хамелеон бывает и, возможно, оборудовал логово. От этого можно оттолкнуться. Надо искать...

– В лесопарке полно укромных местечек, – небрежно перебил Островского мастер. – Уверен, что часть из них занята бродягами. Вы собираетесь искать всех, кто мог находиться в том квадрате леса около полуночи?

– Это выполнимо, – уверенно ответил Островский. – Надо только провести плотные розыскные мероприятия. Собрать побольше сил и нормально вооружить.

– Розыскные мероприятия? И кто же их проведет, вы и Джонатан?

– Мы будем стараться. – Бригадир не понял, к чему клонит Чесноков.

– А опыт и навыки? – Мастер выпустил кольцо сизого дыма. В кабинете запахло вишней. – Старания тут будет мало, Всеволод Семенович. За пять месяцев с момента нового пришествия Хамелеона мы потеряли четверых профессиональных сыщиков. Реальных ищеек у нас просто не осталось, только любители, владеющие предметом на уровне хобби, или сыщики поневоле вроде Джонатана и вас. Даже если мы бросим на поиски Хамелеона все силы, нам не хватит оперативного опыта.

Чесноков взял паузу, наблюдая за причудливой игрой дымных облачков под потолком. Бригадир тоже поднял взгляд. «Кавендиш» танцевал хаотичный вальс с «Вирджинией». А может быть, кавалером выступал «Перик», в сортах трубочных табаков Островский не особенно разбирался; он не курил даже в те времена, когда дымили все, начиная с грудных младенцев.

– И что же нам делать? – оторвав взгляд от гипнотического танца дымных колец, спросил бригадир.

– Пока вы ехали, я переговорил со Смотрителем. – Чесноков признался в этом нехотя, как в дурном поступке, хотя на самом деле консультация у Смотрителя была в порядке вещей и ничуть не умаляла мудрости мастера. – Он предлагает использовать чужаков. Пусть они не смогут в полной мере заменить таких профессионалов сыска, как покойные Мирович, Престон или мастер Шуйский, но, во-первых, на них у Хамелеона нет инстинктивного чутья, а во-вторых, даже если они погибнут, мы ничего не потеряем.

– Это чревато раскрытием тайны существования Цеха, мастер. Господин Смотритель, возможно, этого не опасается, ведь он стоит особняком, чужакам его не вычислить при любом повороте дел, но что касается всех остальных... нас с вами в том числе... Я ведь докладывал – Контора давно проявляет повышенный интерес к нескольким нашим предприятиям. Привлечение к делу чужаков повысит риск вдвое, а то и втрое. Нам не помогут никакие связи и агентурная подстраховка.

– Чрезмерное любопытство ФСБ – это не ваша забота, Всеволод Семенович. С этой службой мы договоримся. К тому же у нас нет выбора, бригадир, – Чесноков сменил тональность, как бы подытоживая беседу. – Или мы меняем правила игры, или смиренно ждем, когда Хамелеон уничтожит нас всех. Так что, по сути, мы ничем не рискуем. Надо пробовать все варианты. В конце концов, если что-то пойдет не так, несложно пустить всех чужаков в расход до того, как эти ребята засветят Цех перед широкой общественностью.

– Довольно жесткий план, – Островский неодобрительно качнул головой.

– Вопрос выживания, – Чесноков даже не повел бровью. – Война – не Олимпийские игры, на ней хороши любые средства и методы.

– Согласен, но давайте ограничимся одним пробным шаром, – сказал бригадир и, будто бы желая упредить реплику мастера, торопливо добавил: – Не из гуманных соображений, просто за одним легче уследить.

– Согласен, – после короткого раздумья сказал Чесноков. – Смотритель рекомендовал взять в дело профессионального сыщика, хорошо знакомого с местностью и аборигенами. По картотеке проходят три кандидата, но наиболее доступен вот этот. Взгляните, что скажете?

Мастер положил перед Островским листок с фото и краткой справкой из Цехового архива – конторы до ужаса серьезной и до занудства точной. Справке на таком бланке можно было верить, как богу. А еще... если уж мастер запросил данные в архиве, что скажет бригадир Островский, не имело значения. Вопрос Чеснокова был вежливой формальностью, не более того.

– Туманов Виктор Алексеевич, – бригадир в сомнении поджал губы. – Послужной список небогатый.

- На вольных хлебах - да, но имеется опыт следственной работы в прокуратуре.

- Сыск и следствие - не одно и то же, но если вы рекомендуете именно его...

- Смотритель тоже. Бросьте этого Туманова для начала на какое-нибудь вспомогательное направление. Если не будет толку в течение недели, спишете его, наймете другого, по своему усмотрению. Возможно, не одного, а двоих или целое бюро; там будет видно.

- Хорошо. - Островский сложил листок и сунул в карман. - Но кроме чужака мне нужны и нормальные помощники взамен погибших. Джонатан работает по особой программе. У меня остался только Мартов.

- Я предвидел вашу просьбу. Даю две оперативные пятерки: по одной вам и адвокату, - мастер подвинул по столу папку с личными карточками бойцов. - Больше дать не могу, поиски Хамелеона идут сразу по нескольким вероятным направлениям, все люди, вплоть до членов Цехового Совета и даже Смотрителя, в деле.

- Вот как? - Островский усмехнулся. - Интересно было бы узнать, на каком из фронтов воюют гранды вроде мастера Орлова или нашего таинственного оракула.

- Classified.

Мастер встал и, снисходительно улыбнувшись, протянул руку. Островский тоже поднялся. Аудиенция закончилась, едва начавшись. В общем-то, так было даже лучше. Полеты разобрали, планы набросали, часы сверили, теперь лечиться, отдыхать и снова в бой. А что не попили чайку и не поговорили о жизни, как бывало с мастером Шуйским, так и не до того сейчас, и не больно хотелось.

- Понимаю, - пожимая руку мастеру, сказал Островский. - Хотя и не все. Например, почему никто, кроме мастеров, не должен знать имени Смотрителя? Откуда такое недоверие к остальным членам Цеха?

Чесноков взял раненого товарища под локоток и проводил до дверей. Эталон вежливости, а не начальник. Жаль, формальной вежливости, протокольной. Нет,

все-таки по Шуйскому еще долго будут скучать все, кто с ним работал. Особенно сравнивая его методы и стиль общения с подходами нового начальства. Куда там этому Чеснокову! Юрий Михайлович был душа-человек, а этот... равнодушный службист, да и только. Проклятый Хамелеон, какого человека загубил!

- Простая предосторожность, Всеволод Семенович, - уже у самых дверей ответил мастер. - Ведь если имя Смотрителя узнает Хамелеон, он непременно схватит провидца и заставит работать на себя. И тогда мы обречены; враг будет знать о каждом нашем шаге за полгода до того, как мы его совершим.

- А если Смотритель откажется помогать врагу?

- Тогда он умрет. По-настоящему, навсегда. Вряд ли ему этого захочется.

* * *

После недели обложных дождей солнечное утро казалось чудом. Дожди основательно выстудили землю, но летнее солнце клятвенно обещало больше не прятаться за тучи и вскоре вернуть земле тепло, поэтому утренняя прохлада воспринималась как временное неудобство и не мешала наслаждаться жизнью. Той самой, что еще вчера казалась скучной и серой. Сегодня же солнце грело, ветерок освежал, деревья приветливо кивали, а цветы на пыльных клумбах благоухали неземными ароматами. Нирвана, да и только. А все потому, что появилась работа, первейшее лекарство от депрессии и лени: по мнению Виктора - родных сестер.

Сыщик остановился перед машиной и окинул ее скептическим взглядом. По уши в грязных разводах, вернее, по кончик антенны. И это в городе, где нет грунтовых дорог и даже в дождь по обочинам постоянно ползают уборочные машины. Вчера неряшливый внешний вид авто вызвал бы как минимум раздражение, но сегодня Виктор отнесся к этому факту спокойно. Ерунда, не стоящая нервов. После переговоров с клиентом заехать на мойку, и через пятнадцать минут все будет в порядке: новенький «Фокус» снова засияет, как начищенный пятак.

Но сначала дело. Туманов взглянул на часы. С учетом пробок добираться до офиса клиента придется около часа. Встреча назначена на десять, сейчас половина девятого. Можно не спешить.

Вообще-то в серьезных агентствах полагается принимать клиентов у себя, в собственном офисе, но поскольку контора Туманова пока не пользовалась такой широкой популярностью, как агентство Лукина, или известностью в узких кругах, как фирма «Эрик и К°», Виктору приходилось действовать гибко. К тому же клиент сослался на недомогание, почему не пойти навстречу? То, что особого выбора у Туманова нет, вопрос второй, клиенту знать об этом необязательно. И о том, что за полгода существования агентства Виктор получил только восемь заказов (два из которых с блеском провалил), тоже не следует распространяться. Благо конкуренты пока не рассматривают Туманова как опасного соперника и не проводят антирекламных акций.

В общем, повод для оптимизма был реальный, а не только хорошая погода. Эмоции – дело ненадежное, а работа это фундаментально. Занят, значит, нужен, а нужен, значит, есть чем гордиться. Есть за что себя уважать. Кому как, а Туманову осознание собственной полезности было важнее денег. Хотя и деньги важны. Выплаты по кредиту, взятому для обустройства офиса и на прочие нужды предприятия, доедали сбережения, как жирная гусеница остатки капустного листа. Еще три месяца такой работы, и придется решать: продолжать свободное, но безуспешное плавание или все распродать, вернуть деньги и снова сесть за обшарпанный стол следователя в районной прокуратуре. Там блудного сына примут, никуда не денутся, но самому будет очень неуютно. Да и душно после порции кислородного коктейля свободы. Можно, конечно, попроситься в сотрудники к «Эрику» или еще куда-нибудь, но кем туда возьмут? Рядовым сыщиком? Проследи, сбегай, принеси. И это после полугода вольных хлебов!

Туманов встряхнул небогатой шевелюрой и шлепнул себя по щеке. Очнуться! Взбодриться и выкинуть из головы все пораженческие мыслишки. Судя по местоположению офиса наклюнувшегося клиента, грядут большие перемены. Особенно в финансовом смысле. На золотые горы Виктор не рассчитывал, но не без оснований полагал, что будущий гонорар легко покроет проценты по кредиту. То, что клиент не обратился к известным сыщикам, может свидетельствовать о его прижимистости, но даже максимальная ставка Туманова ниже средней по городу, так что за этот нюанс можно не опасаться. Из-за финансовых разногласий сделка не сорвется.

Виктор вывел машину со стоянки и покотил в сторону центра. Пробки начались буквально сразу, на ближайшем перекрестке. По главной дороге шел такой плотный поток, что едва последние машины успевали «закончить маневр», то есть освободить место для выезда на проспект машинам из потока Туманова, как снова загорался «зеленый», и на перекресток въезжала следующая партия «главных». В результате на проспект Виктор выбирался минут десять. Впрочем, сегодня его это не раздражало. Время в запасе было, а думалось ему лучше всего именно в машине. Если точнее – в этой машине. Что ни говори, а новое авто действует на владельца магически. Это вроде платонической влюбленности: стоит лишь подумать о предмете обожания, и сразу становится хорошо на душе. А уж когда садишься в этот предмет... Эх, надо было вчера не кинуться на диване, а мотануть по МКАД четверть круга! Депрессию сняло бы как рукой.

Итак, о чем думал? А, да, о прижимистости клиента. Нет, он необязательно жмот. Вполне возможно, что дело не в деньгах, что ему просто требуется именно такой сыщик, как Виктор: неизвестный, незаметный и голодный. Пусть у него мало опыта, зато много энтузиазма. В некоторых ситуациях последнее качество гораздо важнее.

Будучи человеком отчасти наивным, но все-таки не самым глупым, Туманов допускал и худший вариант: «подставу». Обычно, если клиенты затевали некую авантюру, они также приглашали сыщиков из низшей лиги. Виктор слышал немало грустных историй на эту тему, но сегодня ему почему-то казалось, что чаша сия его минует. В первую очередь потому, что он сам ехал к клиенту, а не наоборот. Затевать аферу, снимая офис в Сити, в дорогом небоскребе... как-то это было бы... слишком масштабно. Какая же должна быть ставка в игре, чтобы идти на такие капиталовложения? Да и сыщиков в этом случае наняли бы посolidнее, подороже. Чего уж мелочиться?

Нет, скорее всего, дело было надежное, простое, но сильно конфиденциальное. Например, о супружеской измене в семействе из высших кругов. Ведь как должны рассуждать эти нувориши: для таких дел безвестные сыщики подходят идеально. Раскрутят, поднесут в лучшем виде на блюдечке, а за труды возьмут по минимуму, поскольку будут страшно рады уже одному факту прикосновения к тайнам элиты, да к тому же постараются оставить хорошее впечатление, а значит, будут молчать, как рыбы, обо всем, что узнали за время «прикосновения». То есть отчасти из коммерческих соображений, но отчасти с перепуга. Ведь кто они, а кто их клиенты? Сыщики – мелкие букашки, а сильные

мира сего – слоны, которые давят таких букашек, даже не замечая. Зато если букашки докажут, что способны хранить секреты, слоны о них, возможно, еще разок-другой вспомнят и подкинут работенку. А там, чем черт не шутит, станут постоянными клиентами.

И это так, навскидку. В действительности мотивов у богатых клиентов может быть гораздо больше. А если и меньше – какая разница? По сути-то все верно! Что требуется от сыщика? Выполнить работу, получить деньги и забыть обо всем, что узнал. Вот так и надо начать разговор. Сразу дать понять клиенту, что надежен. А дальше все пойдет как по маслу.

До Сити удалось добраться почти без приключений. Небольшие пробки на Кутузовском и Третьем кольце не в счет. Место на парковке тоже нашлось на удивление быстро. Определенно сегодня все складывалось удачно, и это был добрый знак. Туманов вышел из машины, поиграл брелоком сигнализации и, дождавшись, когда «Фокус» преданно подмигнет «хрустальными» фарами, неторопливо направился к входу в небоскреб. Этаж двадцать первый, офис двадцать один – пятнадцать. Адресок Виктор запомнил сразу. Теперь неплохо бы с ходу разобраться в топографии холла шикарного здания, чтобы не топтаться, как озадаченная деревенщина, озираясь по сторонам в поисках лифта. Туманов внутренне собрался и вошел.

– Господин Туманов, – тут же окликнул Виктора человек в строгом темном костюме.

– Да, – сыщик обернулся и озадаченно уставился на адвоката.

Нет, он мог быть и охранником, это было бы даже логичнее – встретить у входа в здание именно охранника, но Туманов почему-то сразу решил, что этот человек адвокат клиента. Черт знает почему. Справедливости ради надо заметить, что стоящие поодаль охранники почти не отличались от этого «адвоката»: такие же по качеству и цене английские костюмчики, холеные физиономии, вежливые, но твердые взгляды... разве что у них были «бэйджи» и гарнитура связи за ухом.

– Я адвокат господина Островского, – встречающий протянул руку. – Мартов Андрей Григорьевич.

– Очень приятно, – Виктор пожал Мартову руку. – Туманов Виктор... Алексеевич.

– Вы пунктуальны, – адвокат указал в глубь огромного холла. – Прошу.

Адвокат, хотя и выглядел неброско, был определенно непрост, очень непрост. Высокий, молодежавый, с хорошей осанкой и спортивной фигурой, волосы тщательно уложены, ни единой сединки, гладко выбрит, на здоровой коже легкий загар. Все говорило о том, что человек грамотно сочетает работу и отдых. Правда, глаза немного усталые, вернее... какие-то... чересчур мудрые, будто ему не сорок с хвостиком, а все сто. Туманов незаметно хмыкнул. Просто идеал дорогостоящего адвоката. Так и хочется доверить ему все тайны. Костюмчик, между прочим, лишь издали выглядел добротной вещицей по разумной цене; при ближайшем рассмотрении Туманов убедился, что вряд ли примерит такую пару даже во сне. И заколочка на неброском галстуке явно платиновая, а бриллиантик на ней каратов этак в семь-восемь. И часики «Радо» на правой руке адвоката (левша?) стоят, как четыре тумановских «Фокуса», а туфли – как один, в базовой комплектации. И пахнет от адвоката не польским «Живанши», как от Виктора, а чем-то стопроцентно аутентичным. Но больше всего Туманова заинтересовал перстень на безымянном пальце левой руки Мартова. Во-первых, «печатка» выбивалась из общего стиля, во-вторых, была именно печаткой, а не перстнем с драгоценным камнем. Цепкий взгляд Виктора успел ухватить часть перевернутой монограммы на «клише». Похоже на «R» или «K». А между тем, в инициалах владельца таких букв не было. Мелочь, возможно, бесполезная, но Туманов решил ее запомнить. Уж играть в великого сыщика, так играть.

Проходя мимо зеркальной стены гардероба, Виктор покосился на собственное отражение и невольно поморщился. Прическа «три волосинки в шесть рядов», лицо бледное, под глазами темные круги, выбрит, правда, гладко, но нервно, с парой порезов, костюм не по фигуре, а лишь по размеру. Туфли польские, как и одеколон, к тому же вышедшие из моды года три назад. На вид даже не «средний класс», а серединка «бюджетного», не выше. А главное – во взгляде ни намек на мудрость. Цепкость взгляда не в счет, он и у прапорщиков бывает цепким, однако это не дает им права командовать полком. Единственное, что было схожего между Тумановым и адвокатом – принадлежность к роду человеческому. В остальном же... классом ниже. Даже двумя классами. К данной ситуации этот штамп подходил как нельзя лучше. «Фокус» рядом с «мерсом» SLR. Любимый «Фокус» тоже машина (в душе потеплело и защемило одновременно), и очень неплохая, но для другого контингента.

«Что я тут делаю?! – снова проснулась осторожность. – Зачем я этим людям?!»

Виктор едва не остановился на полпути к лифтам. Заметив, что сыщик чем-то обеспокоен, адвокат Мартов соизволил взглянуть на Виктора и даже дружески улыбнуться.

- Нервничаете, Виктор Алексеевич?

- Немного, - Туманов натянуто улыбнулся в ответ. - Есть вопросы, которые...

Виктор неопределенно помахал рукой.

- Понимаю, - Мартов вынул из внутреннего кармана конверт. - Здесь аванс. Сто тысяч. Ровно треть от общей суммы. Если уложите в неделю, возможна аналогичная премия.

- Что, вот так сразу, без собеседования? - Виктор замешкался.

Четыре сотни были неплохим гонораром. Виктор рассчитывал получить сотню «на круг». Ну, полторы, если сильно повезет.

- Вы нам подходите, - уверенно заявил адвокат. - Думаю, и мы вам подойдем. Наше дело не слишком сложное, но весьма конфиденциальное. Конечно, все в рамках закона. Банальный поиск человека по приметам. Ему полагается благодарность за неоценимую услугу, но он поскромничал и не оставил адреса.

- Так я и думал, - вырвалось у Виктора. - Извините.

- Мы были уверены, что вы придете к верному предварительному выводу. Поэтому и обратились именно к вам. В конверте, кроме денег, вы найдете небольшой релиз.

- Э-э...

- Грубо говоря, «вводную часть», - расшифровал Мартов. - Клиент сейчас заканчивает принимать лечебные процедуры, поэтому у вас будет время предварительно ознакомиться с сутью проблемы. Ну как, вы беретесь за дело?

– Я же еще не ознакомился... – Виктор осекся. – Да, берусь.

– Вот и отлично, – Андрей Григорьевич пропустил сыщика в лифт. – Прошу.

Интерьер холла и коридоров двадцать первого этажа подготовили Туманова к верному восприятию противоречивой «лаконичной роскоши в стиле хай-тек», поэтому, войдя в офис господина Островского, он не упал в обморок, а лишь слегка обалдел. Денег у клиента было, как у дурака махорки, и он явно не знал, куда их девать. Ну, скажите на милость, зачем водружать стеклянную столешницу на платиновые ножки? А телевизор трех метров по диагонали зачем? Если исходить из рекомендации врачей смотреть телик с расстояния в пять диагоналей, эту штуку следовало смотреть с пятнадцати метров. Получалось, что перед экраном остается больше ста квадратов «мертвой зоны», где ни мебель поставить, ни прогуляться, если кто-то решит посмотреть новости. Впрочем, офис был настолько просторным, что экономить место тут было незачем. По причине просторности помещения Виктор не сразу заметил, что кроме кожаных диванов, титановых стеллажей, аппаратуры класса «хай-энд», циклопического телевизора и «делового уголка» в левой части офиса имеется еще и нечто вроде миниатюрной выставки достижений современной цивилизации. На стеклянных постаментах и трибунах расположились весьма занятные экспонаты. Издалека бросались в глаза три «знаковые» вещи минувшего века: отлично сохранившийся «Порш» (не лень же было его сюда поднимать!) выпуска середины шестидесятых и два макета. Один макет какого-то самолета времен Второй мировой, а другой – подводной лодки, кажется, атомной. Что все это может означать, Туманов себе не представлял. Предположить, что господин Островский или его фирма имели отношение к созданию этих шедевров техники, было бы слишком смело. Возможно, клиент когда-то ездил на поставленном в «хрустальное стойло» суперкаре, а на подлодке служил, но как быть с самолетом, кажется, «Аэрокоброй»? Макет изображал именно боевую машину, а не спортивную послевоенную модель.

– У вас двадцать минут, господин Туманов, – предупредил адвокат. – Будьте любезны, ознакомьтесь с текстом, а после можете осмотреть экспозицию, она довольно занята.

– А чему посвящена? Странное сочетание: «Порш» и «Аэрокобра». По времени никак не стыкуются.

– Сначала дело, Виктор Алексеевич, – Мартов отклонялся. – Располагайтесь вот здесь, в гостевой зоне. Не буду мешать.

«Заявление», – значилось в заглавии. Кому и от кого, заявитель не указывал. Туманов хмыкнул. Наверное, клиент никогда и не интересовался, как полагается оформлять подобные бумаги. Для этих целей у него есть адвокат. У него, наверное, для каждой цели есть специальный человек. Вообще-то ничего предосудительного в таком подходе к делам Виктор не усматривал, просто было непривычно.

«Будь я на его месте, поступал бы точно так же. Хм... Будь на его месте... но я, к сожалению, на своем, на местечке человека „для определенной цели“. В моем случае, для поисков... кого?»

Туманов пробежал глазами короткий текст.

«Понятно...»

В первую очередь ему было понятно, что история, кратко изложенная в заявлении, – полнейшая липа. Наспех придуманная легенда для тупицы сыщика. Искомый субъект был нужен Островскому вовсе не для того, чтобы «отблагодарить за бескорыстную помощь», как было указано в качестве причины затеянного расследования. Для чего – неясно, но только не для вручения чека.

Туманов отложил листок, развалился на диване и прикрыл глаза. Чтобы лучше осмыслить информацию, он частенько пробовал представить события в виде небольшого кино, прокручивал в голове воображаемый видеоряд. И так, затравка...

На клиента напали хулиганы. Почему-то в Битцевском лесопарке, недалеко от одноименной станции метро, где Островский якобы дышал воздухом. Сто к одному, что проживает господин Островский где-нибудь на Рублевке. Какая же нелегкая его занесла в Ясенево и зачем? Дышать? Мало зелени вблизи дома? Но бог с ним, дышал и дышал. Но откуда там взялись хулиганы в девять вечера, засветло? Там и ночью-то их не сыщешь, а уж днем... Но допустим и это. Что дальше? Раненный ножом в живот (гуманные хулиганы не добились, а раскаялись и убежали, все в чужой крови и стыдливых слезах) человек ползет к дороге, но

силы его оставляют, и он уже почти прощается с жизнью, как вдруг... о, чудо! Появляется некий субъект, который взваливает раненого на горб и тащит напрямик в больницу. Ну, почти. Дотаскивает до ближайшей дороги и торжественно сдает бригаде «Скорой». После чего прячется в парковых кустах. И снова допустим, что скромные и бескорыстные герои еще встречаются, а «Скорая» зачем-то дежурила в парке; все это маловероятно, но допустимо. Рушит весь этот карточный домик один простой вопрос: если Островский миллионер, который и шагу не может ступить без «специальных» людей, где была его охрана?! Какого рожна он делал в парке без охраны? Гулял-дышал – это понятно, но почему один?

Короче, если это и не подстава, то игра вслепую точно. Нервотрепки и беготни будет ровно на четыре сотни, рано, братец, обрадовался легким деньгам. Пойди, Виктор Алексеевич, туда, не знаю, куда, и найди того, так и не узнаешь, кого, поскольку знать это тебе не положено по штату. Всех установочных данных: доброхот из парка. Причем данные – заведомая липа, и субъект может оказаться не каким-нибудь местным пенсионером, выгуливающим собачку, или бегуном, тоже местным, а прохожим, который попал в те места случайно и возвращаться в них более не намерен. Или его может не оказаться вообще. Это в том случае, если Островский ставит спектакль для отвода глаз. «Скорая» ведь наверняка сообщила о его ранении в милицию, менты теперь ждут либо заявления от пострадавшего, либо объяснений. Клиент же по какой-то причине связываться с «органами» не желает и для проформы делает вид, что решил расследовать дело самостоятельно. Из чего следует, что он получил в пузо либо от своих, либо за дело.

Но вообще, если поверить в то, что пишет пресса, случай легко привязать к страстям-мордастям по поводу маньяка, промышляющего в том зеленом массиве. Спокойный и традиционно безопасный Битцевский лесопарк в последнее время окружила очень нездоровая атмосфера. Милиция на ушах, народ на нервах, шутка ли – двенадцать трупов за три месяца! Двое мужчин, двое детей и восемь молодых женщин. И все они не с Луны упали, а свои, родные. Возмущенные граждане даже нечто вроде дружины сколотили, по ночам дежурят, выслеживают изверга, да только все напрасно. И это их, конечно, раздражает. Так что местные дружинники запросто могли прощупать чужака. Только вряд ли сразу ножичком. Не такое у местных жителей воспитание.

Туманов знал это не понаслышке. Он прожил в Чертанове пять лет, и пробежки через парк до Ясенева были его любимым способом развеяться. Так что и людей, и места, где происходили убийства, он знал неплохо. Откровенных хулиганов там не водилось, наркоманы встречались (а где их нет?), но в разумных количествах, даже с бомжами в лесопарке было не очень. Попадались, но редко.

Хотя кто знает, что там сейчас? Может, «понаехали»? Виктор усмехнулся. Даже если так. Вряд ли хоть один из них помог бы раненому, разве что с целью заодно пошарить у него в карманах.

Вот! Еще версия: помощник был, но не бескорыстный, и теперь Островский желает его отыскать, чтобы вернуть украденное и «отблагодарить» спасителя дубиной по хребту. Тоже неплохой вариант, только все равно «хромает» и не объясняет отсутствие охраны.

«А так ли это важно? Нельзя, что ли, найти субъекта чисто по приметам, без углубления в детали?»

Туманов встал с дивана и, сдержанно потянувшись, подошел к странной экспозиции. Кроме двух макетов и авто, на хрустальных постаментах разной высоты и формы покоились еще десять-двенадцать занятных вещиц. Виктор с любопытством рассмотрел каждую и снова поймал себя на мысли, что хотя экспонаты расположены без соблюдения хронологии, между ними все-таки существует некая связь. Они были чем-то вроде небольших таких «вешек» на пути современного прогресса: золотой макет паровоза соседствовал с работающим ноутбуком, на экране которого висела живая картинка известного информационного сайта. Туманов сверил часы и пробежал глазами новостную ленту. Время реальное, новости свежие. Не муляж. Быть может, комп положили сюда случайно, используя пустующий постамент? Нет, слишком уж тумба подходит этому прибору по размеру и стилистике. А вон на том подиуме даже специальные крепления для экспоната имеются, вроде хрустальных замков. Интересно, прочные? Учитывая, что держат они автомат, должны быть прочными, иначе милиционеры замучают: «Почему не в сейфе? Не рабочий? Покажите боек». Дальше известный по картинкам из учебника физики макет ядерной бомбы в разрезе, а чуть выше, последним экспонатом в ряду, как бы вплотную к современности, на маленькой площадке из голубоватого стекла – громоздкая «Моторола» образца середины девяностых. Ну что ж, уместно, хотя и не по порядку. Вехи современного прогресса. Паровоз, авто, самолет, автомат, ядерная бомба, атомоход, комп, Интернет, мобильная связь... Что забыли? Ах да,

космос. А вот и он. Но почему-то не орбитальная станция или марсоход, а всего лишь спутник. Хотя, если не брать в расчет бесследно исчезнувшую крышку, которая запирала шахту с первой ядерной бомбой в Аризоне... прорыв в космос осуществил наш спутник. Все остальное – последствия, вторичности.

За плечом раздалось вежливое покашливание, и Туманов прервал осмотр выставки.

– Здравствуйте, господин Туманов, я Островский Всеволод Семенович.

Виктор приклеил к лицу вежливую улыбку и кивнул:

– Здравствуйте.

Островский выглядел таким же холеным, как его адвокат, и вполне здоровым. До Виктора вдруг дошло, что в заявлении не указана дата инцидента. А что, если это случилось два месяца назад? Тогда дело становится и вовсе безнадежным.

– Я накачан лекарствами, как пивной бочонок, – Островский усмехнулся. – Ни боли, ни недомогания. Современная медицина творит чудеса, вы не находите?

– Судя по вашему виду... да. – Взгляд Виктора скользнул вниз, и сыщик успел заметить на безымянном пальце левой руки Островского перстень-печатку, один в один как тот, что был у адвоката.

– Перейдем к делу? – клиент указал на диван, который Туманов покинул пять минут назад. – У вас, наверное, есть вопросы?

– Есть. – Виктор уселся на диван. – В первую очередь... скажите, господин Островский, то, что написано в этой филькиной грамоте, соответствует действительности хотя бы на один процент?

– Все чистая правда, – клиент едва заметно ухмыльнулся. – Что вас смущает?

– Ничего, будь по-вашему, – Туманов поморщился. – В таком случае опишите приметы нападавших и этого... доброхота.

– Нападали трое. – Островский поднял взгляд к потолку. – Молодые, бритоголовые, в кожаных куртках...

– Стоп, достаточно, – Виктор покачал головой. – Версия нынче модная, но не для того района. Я хотел бы услышать правду.

– Это правда, – Островский пожал плечами. – Лиц я не рассмотрел, все произошло очень быстро. Выскочили наперерез из кустов, толкнули, ударили ножом и убежали.

– И ничего не сказали?

– Нет. А должны были?

– Если бы это были бритоголовые, они бы выкрикнули какую-нибудь националистическую глупость, а если вы получили своеобразное предупреждение от конкурентов, то наемники могли сказать что-нибудь соответствующее.

– Привет от Винченцо Корлеоне? – клиент коротко рассмеялся. – Нет, ничего не говорили. Не думаю, что нападение заказал кто-то из конкурентов.

– Почему вы гуляли один, где была охрана?

– Я не пользуюсь охраной.

– Как это? – Виктор удивленно уставился на Островского.

– Вы пользуетесь?

– Нет, но... я простой человек.

– Я тоже, – клиент осторожно привстал и протянул руку к сервировочному столику, где стояла бутылка коньяка и бокалы. – Не откажетесь?

– Я за рулем, – Виктор покосился на бутылку. – Впрочем...

Отказываться от дегустации коньяка за тысячу евро было глупо.

– Я такой же человек, как и вы, Виктор Алексеевич. Ем, сплю, работаю, выпиваю, гуляю...

Клиент пустился в типичные для небожителей рассуждения о духовном единстве с народом и о том, что, несмотря на богатство, он и его друзья вовсе не снобы и не бездельники, а такие же трудящиеся, как все. Обычно подобные выступления продолжались минут десять, и Туманов позволил себе на секунду отвлечься. Портрет типичного московского нувориша он составил для себя, еще работая следователем районной прокуратуры. Приходилось сталкиваться. Островский выглядел немного солиднее «среднестатистического» плейбоя, но по сути этот невысокий, подтянутый брюнет с редящей шевелюрой и орлиным профилем был типичным представителем нового высшего общества. Того, что сформировалось в девяностых и очень быстро сочинило для себя правила игры в новых патрициев, а всем остальным навязало правила игры в плебеев. Особенно яркими «звездами» на новом небосклоне, конечно, сияли подросшие детишки этих «патрициев», но и родители светили неслабо.

Взять, к примеру, этого Островского. В раю, после такой, как у него земной жизни, точно не понравится. Вот навскидку несколько стандартных штрихов к портрету любого человека из его круга: живет и работает в Москве, но одевается в Лондоне. Ездит на «Бентли», но лишь из скромности, чтобы не смущать знакомых черным «Майбахом». Обедает в «Праге», но по субботам летает попить кофе в Париж или Рим. Он благополучен, как по мнению окружающих, так и по собственным ощущениям. Вечера трудовых будней он проводит насыщенно, разнообразно и непременно стильно. К его услугам специальные заведения «общепита для избранных», он посещает «гламурные» вечеринки, показы новых коллекций эффектной, но бесполезной одежды, выставки придворных художников и спектакли модных режиссеров. Он может сутками пропадать в гольф-клубах, на автодромах для суперкаров, подпольных стадионах для боев без правил и в прочих зланных местах, где место в первом ряду стоит десятки тысяч евро, а официантам на чай дают, как на ящик коньяка. Его (если он не «голубой», что не редкость) всегда и везде сопровождают длинноногие блондинки или роковые брюнетки, увешанные бриллиантами и перемазанные эксклюзивной косметикой. Его привлекает туризм по путеводителю «Мишлен», псевдоэкстрим на горнолыжных курортах в Альпах, охота на одомашненных кабанов в заповедниках, круизы на океанских яхтах и тому подобная чушь.

Это что касается всех. Теперь конкретно о клиенте. Ему стандартной «программы» маловато, ему хочется жить еще разнообразнее, черпать жизнь до самого «дна». Выражается это в том, что хотя бы раз в месяц, одной из ночей с воскресенья на понедельник, когда никто «из общества» не увидит и не осудит, он уезжает на экологически чистые окраины, чтобы «подышать» и побыть, как ему кажется, простым смертным. Побегать в парке, где бегают обычные люди, прогуляться по дворикам, полным детворы, попить пивка в скромном баре, снять нормальную бабенку, в конце-то концов. Для него это еще одно развлечение, без которого клиента просто выворачивает от скуки. Если он не выбирается изредка на «свободу», он чувствует, что способен кого-нибудь грохнуть. А это будет явно «не комильфо». Зато, выплеснув скуку в «нормальном» районе, он уберегает себя и высшее общество от крупных неприятностей.

Походы к психоаналитику по поводу странного способа избавляться от светской скуки, естественно, закончились ничем. Кроме счета, доктор ничего конкретного не выписал. Да оно и понятно, что тут анализировать и лечить? «Вариант нормы», – вот и весь диагноз, а норма не лечится.

Сила воли тоже не помогла. В общем, положение у клиента сложилось безвыходное. Помощи ждать неоткуда, продолжать свои тайные прогулки опасно, а другого способа разрядки нет. А без разрядки он просто часовая мина, а не человек.

Естественно, будучи в таком душевном раздразе, однажды клиент был просто обязан нарваться, и он, конечно же, нарвался. Да, он слышал о «маньяке», вроде как промышляющем в том районе, но не верил в него и потому гулял, ничего не опасаясь. Однако, похоже, нарвался именно на маньяка, поскольку все случилось быстро и бесшумно. Он только и успел заметить мелькнувшую наперерез тень, а потом сразу получил ножевое ранение в живот. И, возможно, от смерти его действительно спас некто, спугнувший маньяка и дотащивший раненого до дороги, где его и подобрала «Скорая».

Теперь клиент желает отблагодарить незнакомца, поскольку тот якобы просто жертва нравов своего общества, а не законченный негодяй. Найти его трудно, но Островский не привык оставаться в долгу.

Фальши в этой версии было бы все равно предостаточно, но не столько, сколько в «заявлении»!

Туманов снова включился в беседу. Клиент как раз заканчивал рассуждения о тяготах неправильного ритма жизни, когда после ночных развлечений на светских тусовках приходится еще и работать: строить финансовые пирамиды и контролировать нефтегазовые потоки.

Не дожидаясь, когда Островский перейдет к той части исповеди, где будет упомянуто о нормальном желании иногда, хотя бы пару часов, побыть среди простых людей, Виктор поднял руку, прерывая клиента.

- Когда на самом деле это случилось? Дату и точное время, пожалуйста.

Островский внимательно посмотрел на сыщика и вздохнул.

- Позавчера в одиннадцать вечера.

- То есть все-таки, когда стемнело? Что вы там забыли в столь поздний час? Это может быть связано с нападением?

- Я ничего не забыл. Нападение было немотивированным. И к тому же вас я прошу найти спасителя, а не преступника. Негодяя найдут другие люди.

- То есть преступник был один? - уцепился Виктор. - Всеволод Семенович, если вы действительно хотите найти своего спасителя, будьте откровенны и последовательны. Зачем было меня обманывать?

- Проверка вашей профпригодности, - Островский развел руками. - Уж простите, Виктор Алексеевич, но мы хотели убедиться.

- Убедились?

- Да. Желаете получить приметы моего спасителя?

- Вы рассмотрели его в темноте? Или снова хотите приукрасить?

- Нет. Это был немолодой, одетый в военную куртку человек, коренастый, с короткой седой бородкой и карими глазами. На голове кепи, тоже военного

образца.

– Вы даже глаза рассмотрели? – Туманов недоверчиво хмыкнул. – А нападавший как выглядел? Случайно не так же?

– На что это вы намекаете?

– Пока ни на что, – Виктор сложил листок с заявлением и бросил на журнальный столик. – Я найду этого человека. Что с ним сделать? Привезти к вам?

– Ни в коем случае! – Островский положил на столик визитку. – Просто найдите его и позвоните мне. Я приеду лично. Идет?

– Конечно. – Туманов взял карточку и встал. – Мне меньше хлопот. Всего хорошего.

«Мутная компания, – подумалось Виктору, когда он уселся за руль своего „Фокуса“. – И дело мутное, с душком. Как бы не пришлось пожалеть, что связался с этими „друзьями народа“. С другой стороны, что я теряю? Ничего, кроме долгов».

* * *

– Привет, чего надо? – Кощей окинул Женю внимательным взглядом с головы до ног.

– Есть разговор. Можно войти?

– Заходи, если такая смелая, – парень ухмыльнулся. – На кухню проходи.

Женя преодолела внутреннюю дрожь и юркнула по узкому коридору на кухню. Проходя мимо большой комнаты, она успела заметить, что там расположились человек шесть или семь из Кощейевой бригады. Пили пиво и смотрели футбол. Ни дать ни взять примерные болельщики. Только здоровые все, как быки, и агрессивные даже сейчас, в редкую минуту отдыха от «патриотических» подвигов. Жене стало жутковато. Надо было позвонить и назначить Кощею

свидание где-нибудь у метро или в кафе. Хотя, если он захочет, убьет в любом месте. Женя отмахнулась от этой мысли, словно от назойливой мухи. За что? Кощей просто так ничего не делает. Он натуральный бандит, но без причины никого не обижает. Разве что черных или южных торговцев на рынке. Но даже в этом случае у него находится оправдание: «Россия для русских!» и все такое. А в своем районе он почти примерный гражданин.

Даже участковый, наверное, не подозревает его ни в чем криминальном. Кощей же не пьет, не колетса и другим наркотики не продает, спортом занимается, даже за порядком следит! А что он и его друзья делают за пределами района – это другой вопрос.

«Дома не гадят, и ладно. А „черных“, между прочим, надо иногда приводить в чувство! Понастроили тут рынков с казино!»

В общем, Женя слабо разобралась в идеологии, которую исповедовал Кощей и его приятели, но понимала, что при нормальном поведении в их компании ей ничего особо страшного не грозит. Максимум – короткая случка (сексом это трудно назвать) с главарем. К такому повороту Женя была морально готова, но надеялась, что и этого не произойдет.

– Какие дела? – Кощей сегодня был явно в хорошем настроении, он даже достал для гостыи банку пива из холодильника. – Только внятно, Бритва, и коротко, пока там перерыв.

Он кивком указал на маленький кухонный телевизор. Команды устало побрели за пределы поля, а на переднем плане появилась виртуальная заставка со счетом: «0:0».

– Понабрали негров в команду, – слышалось из комнаты. – Уроды!

– Тихо там! – негромко, но солидно прикрикнул Кощей. – У меня тут разговор.

– Я вчера на маньяка напоролась. – Женя подняла на Кощей взгляд и тут же его опустила. Она чувствовала себя, как кролик перед удавом, ненавидела себя за слабость, но ничего не могла поделать. Кощей смотрел так... этого не передать. Он буквально гипнотизировал.

– Да? – Парень снова окинул ее взглядом, на этот раз скептическим. – А чего живая?

– Я его ножичком, слегка... – Женя все-таки подняла взгляд, но уставилась на кафельную стенку за спиной Кощея.

Кощей хмыкнул и указал на стул, значит, заинтересовался.

– Морду срисовала? – усевшись напротив, спросил он.

– Смутно. Ночью было. Но я видела, как ему помог какой-то местный. Дотащил до дороги и сдал «Скорой». А может, это и не «Скорая» была, но что-то похожее; белый фургон.

– И что дальше? – после недолгого раздумья спросил Кощей. – Что предлагаешь?

– Если найти помощника или фургон, можно вычислить и этого гада.

– К ментам ходила?

– Нет, что с них толку?

– Это правильно. – Кощей уставился в телевизор, но вряд ли его заинтересовала реклама, он размышлял. – Местного мы найдем, не вопрос. С фургоном будет сложнее. Номер не запомнила?

– Далеко было и темно, я не рассмотрела.

– Ладно, начнем с прогулки по кварталу, разомнемся заодно.

– Кощей, слышь, – в кухне появился Бритый (смешная кличка, учитывая, что тут все были бритые), правая рука главаря, – нельзя нам сейчас на акции выходить. Ложкин запретил светиться, ты забыл?

– Кто тебя спрашивал? – Кощей холодно взглянул на помощника. – Кто такой Ложкин? Здесь я команду, а не хлыщи из штаба, ты забыл?

– Как скажешь, размяться мы всегда, – Бритый пожал плечами. – Кого пинать будем?

– Помощника маньяка, – встряла Женя. – Если найдете.

– Ага, – Бритый на несколько секунд задумался и, наконец, сообразил. – Удавлю пидора голыми руками!

– Остынь, мы его пока не нашли. – Кощей обернулся к Жене: – А ты, сучка, молчи, пока не спросят, поняла?

Женя торопливо кивнула и уставилась в пол.

– Можно в парке какого-нибудь бомжа найти... – Бритый постучал кулачищем в ладонь. – Сразу расскажет, кто из местных ночью по лесу шляется.

– Нет, – Кощей покачал головой. – Скоро будет реальное дело, штаб прорабатывает конкретный план насчет студентов, уже дата назначена. До того дня решено не шуметь.

– А, ну да, – сориентировался Бритый. – Ложкин говорил...

– На хрен твоего Ложкина! – главарь грохнул кулаком по столу. – Я сам знаю, что делать! Надо все провернуть по-тихому. Найти черта, допросить, вытрясти все, что знает, и... ну, там видно будет. Завтра прямо с утра и начнем. Бритва, как он выглядит?

– Ну-у... такой... с бородой, короткой, ростом, как ты, только сутулый и в плечах пошире, коренастый. В куртке был военной и бейсболке.

– Особые приметы?

– Не знаю, я не заметила. Походка у него странная: ноги вроде заплетаются, но не спотыкается.

– Приметы так приметы, – хмыкнул Бритый.

– Короче, Бритва, с нами пойдешь, – решил Кощей. – На опознание.

– Я не могу, – неуверенно запротестовала Женя. – У меня брат больной, с ним сидеть надо. И работа еще...

– Сказал пойдешь, и точка, – Кощей нахмурился. – Что непонятного? Ты одна его видела, тебе и карты в руки.

– Да некогда мне!

– Я по-китайски говорю?! Пойдешь с нами!

– Не пойду, сказала!

– Бритый, второй тайм, – Кощей взглядом указал на телевизор.

Помощник покосился на Женю, ухмыльнулся и вышел из кухни, прикрыв за собой дверь.

Женя отвлеклась, провожая его взглядом, поэтому не заметила, как Кощей замахнулся. Он влепил гостье тяжелую пощечину, и Женю будто сдуло ветром. Она оказалась на полу, ошалело мотая головой. Кощей склонился над ней, как коршун над добычей, и негромко прошипел:

– Ты, сучка, не поняла, да? Как я сказал, так и будет.

– Я поняла, – Женя прижала ладонь к горячей огнем щеке, – я поняла. Хорошо. Я пойду. До завтра, да?

– Сидеть! – Кощей отвесил ей тяжелый подзатыльник. – Чтоб ты лучше поняла, кто тут хозяин, я тебе сейчас покажу кое-что.

Он схватил Женю за воротник, легко поднял и бросил животом на кухонный стол. Дело запахло керосином. Женя приготовилась к худшему, и это самое «худшее» не заставило себя ждать. Когда он вжикнул «молнией» на полувоенных штанах, сомнений в его намерениях у Жени не осталось. Холодеющими пальцами она расстегнула джинсы и спустила их до колен.

Сначала было больно, потом даже приятно, Кощей оказался сильным парнем, и если бы все происходило в другой обстановке и по любви, он запросто довел бы Женю до оргазма. Но сейчас Женя не питала иллюзий, ждать, когда она кончит, Кощей не собирался. Так и получилось. Парень шумно выдохнул, когда партнерше оставалось всего чуть-чуть, и сделал шаг назад.

- Так-то, сучка... - прохрипел он, застегивая штаны.

Женя сползла со стола, и, присев, нашарила джинсы.

- Куда?! - Кощей снова схватил ее за куртку и опять бросил на стол. - Звонок для учителя! Урок не окончен!

Женя сумела развернуться и заглянуть Кощей в глаза. Никакой страсти в них не было. Взгляд Кощей походил на взгляд голодного животного, намеренного обглодать свою жертву до костей.

- Коля... - Женя, наверное, впервые в жизни назвала его по имени, пытаюсь смягчить ситуацию и поговорить по-человечески, но Кощей это почему-то еще больше разозлило.

- Молчать! - он ударил Женю в живот, и она скорчилась на столе, поджав ноги. - Хочешь, чтобы я парней позвал?!

- Не надо, - прохрипела Женя и подняла на него умоляющий взгляд. - Я все поняла!

- Это мне решать! - зло прошипел Кощей.

- Кощей, один - ноль! - крикнул кто-то из парней.

- У него там, поди, все три, - гоготнул кто-то еще. - В одни ворота.

- Кощей, помощь нужна? - заржал третий.

Женя дернулась, пытаясь вскочить, но Кощей успел схватить ее за шею и прижать лицом к столу. Девушка попробовала незаметно залезть в карман куртки, где должен был лежать отцовский нож, но его там не оказалось. Кощей все предусмотрел.

– Лежи смирно, сука, или убью, – хрипло прорычал он, усиливая нажим. – Я еще не закончил акцию!

Женя почувствовала, что еще немного, и задохнется, или же Кощей сломает ей шею. Она прекратила дергаться и крепко стиснула зубы. Продолжил акцию Кощей другим способом, еще более болезненным и унижительным.

В целом «акция» растянулась до конца матча. В финале Кощей отделал «избранницу» кулаками, но Женя уже ничего не чувствовала и не видела сквозь застилавшие глаза слезы. Когда Кощей, наконец, отпустил свою жертву, она буквально проползла по коридору и поднялась на ноги только у входной двери. Открыть дверь помог Бритый. Жене показалось, что у него на лице даже отразилось сочувствие глупой курице, попавшей по наивности в крутой ошип. Хотя, скорее всего, так ей только показалось...

...Женя давно рассталась с невинностью, но ее впервые так грубо оттрахали, куда можно и куда нельзя. Ниже пояса болело все, казалось, до самых пяток. Вернувшись домой, Женя едва живая доплелась до ванной и с трудом стянула джинсы. Кое-как пристроенная прокладка не помогла, джинсы были в крови. Женя забралась под душ и открыла воду на всю катушку. В последнее время с летними отключениями горячей воды Горводоканал, похоже, завязал, но Женя впервые оценила этот факт по достоинству. Горячая вода уняла жгучую боль, а дешевый, но хороший отечественный гель для душа помог смыть кровь и грязь. Все это было ужасно, но сейчас девушку волновало лишь одно: чтобы Кощей выполнил свое обещание. Иначе будет и вовсе обидно.

А ведь этот бритоголовый скот (ничуть не лучше маньяка, разве что убивает исключительно негров) когда-то Жене даже нравился. Видный, накачанный парень, неглупый и с каким-то фантастическим влиянием на окружающих. Это было не обаяние, что-то другое, но очень сильное. Его любили и боялись на уровне подсознания или даже инстинктов. Среди местной шпаны он был, как лев среди котов и, конечно, кошек, которые вились вокруг Кощея похотливыми

стоями день и ночь. Женя не была исключением, причем имела самые высокие шансы, но ни тогда, ни позже она так и не смогла объяснить, почему у них не получилось нормального романа. Поначалу Кощей вроде бы клюнул, целую неделю Женька ходила гордая и счастливая, как королева, но когда дело дошло всего-то до рук и поцелуев, Женю будто прошло током, и она быстренько нашла предлог смыться. А на следующий день она всем своим видом дала Кощею понять, что все кончено. Лев сохранил лицо: казалось, ничуть не огорчился и мгновенно нашел себе другую кошку, но с тех пор отношения у них с Женей стали чисто формальными. «Привет-привет», не больше. И так до сегодняшнего дня. Сегодня лев преподал одной из блохастых обитательниц своей помойки крутой урок. Настоящие львы ничего никому не прощают. Даже таких мелких обид, как неудачный флирт. Женя почти не сомневалась, что корни сегодняшнего происшествия кроются именно там, в событиях трехлетней давности. Скотина злопамятная!

Это было тяжело, но Женя старалась держаться, как настоящая Женька-Бритва, даже наедине с собой. Пусть и изнасилованная злопамятным ублюдком, она не имела права сломаться, она должна былализать раны, дожидаться, когда он выполнит условия сделки, а потом подкараулить, когда он будет без эскорта, и отбить ему яйца битой! Только так, и никак иначе!

Теоретически. Но то ли ее расслабила горячая вода, то ли она все-таки сломалась... Женя опустила голову и, всхлипнув, тоненько завывала. Под горячими струйками слезы казались прохладными. Женя видела сквозь них размытую по ванне кровь, покрытые свежими синяками бедра, расцарапанный живот, маленькую, но красивую грудь, и все это казалось ей каким-то чужим, далеким, нереальным.

Так продолжалось очень долго, непозволительно долго. Женя почувствовала, что еще немного, и окончательно расклеится. Тяжелейшим усилием воли девушка заставила себя прекратить нытье и собраться. Она подставила лицо горячим струйкам и принялась ожесточенно тереть веки, смывая дешевую косметику. Слезы мгновенно растворились в воде вместе с тенями и тушью и утекли туда, куда получасом раньше смыло кровь, грязь и всякую другую гадость.

А вместе со слезами растворилось и желание до бесконечности жалеть себя, пропадающую дуру, страдающую за тех, кто не достоин даже, чтобы за них поставили свечку. В конце концов, в трех ближайших районах живут не только

ублюдки, вроде Кощея и его дружков. Хороших людей тут живет гораздо больше. Живет и умирает от лап этого чокнутого зверя, маньяка, на глазах у его поклонника. И как раз бритоголовые вряд ли попадут на ножи этой парочке. Так что речь не о них. Речь о таких же вот дурах, бегущих по ночам через лесопарк и забредающих по глупости в заплыванные квартирники к шпане.

«Хорошо, что догадалась не сопротивляться, – Женя судорожно вздохнула. – Кощей, хоть и знает меня с рождения, а не пожалел бы. Отделал бы битой, а потом еще и на иглу посадил, чтоб поговорчивее была. Вот ведь, говорил папаня, прежде чем свалить на заработки: „Запомни, Жека, инициатива е... инициаторов“.

Золотые были слова, почему не получается жить чужим опытом, почему обязательно зарабатывать свой?! Хотя тот же отец говорил и другую вещь: «Ума можно набраться только через собственную задницу». Пророческие получились слова. И те, и другие. В прямом смысле.

В ванной было полно пара, и Жене пришлось искать полотенце на ощупь. Она кое-как вытерлась, накинула старый халатик и открыла дверь. В тесном коридоре, прямо напротив двери, стоял брат. Как обычно, босиком, в драной футболке и джинсах.

– Хочешь в туалет? – догадалась Женя. – Иди, я подожду, свет потом выключу.

В глазах у брата не отразилось ничего. Было непонятно, услышал Володя ее слова или нет, но в ванную он вошел. Женя прислонилась к косяку, и тут ее обожгло – джинсы! Она на секунду заглянула в ванную. Скомканные джинсы валялись на полу под умывальником, брат стоял к ним спиной. Вряд ли заметит, а если и заметит, все равно не отреагирует.

Володя вышел все с тем же отсутствующим взглядом, покорно остановился, когда сестра придержала его, чтобы застегнуть «молнию», и, шаркая, побрел в свою комнату, когда Женя его отпустила. Девушка торопливо вернулась в ванную, быстренько застирала кровь и, кое-как отжав, понесла джинсы сушиться на балкон.

По ставшему уже традиционным «стечению обстоятельств» на соседнем балконе тут же возник Гарик.

- Привет! - От радости парнишка разве что не приплясывал.

Он всегда очень бурно реагировал на появление соседки, хоть на балконе, хоть на пороге. На балконе - чаще, здесь им было удобнее; никто не вмешивался в разговор и не вынуждал изображать «золотую молодежь», как это было принято во дворе. И предки не докучали, даже радовались, что дети в поле зрения. Потом дети выросли, двор оккупировали другие дети, а у этих от детства на память осталась привычка общаться на балконе, а не в квартире или на лавочке перед подъездом.

- Хай, чел, - Женя спрятала глаза.

Перед Гариком у нее не было никаких обязательств, она вообще не воспринимала его как ухажера, но сегодня смотреть ему в глаза Женя была не в силах.

- Работала?

- Фигово выгляжу?

- Устало, - Гарик замялся. - Но все равно хорошо. Не холодно после ванны?

- Погода шепчет, - Женя махнула рукой. - Тепло, не простыну. А ты как, до какого уровня дошел?

- Комп заглянул, - Гарик расстроено вздохнул. - Мне осталось-то... ну, там пару ловушек обойти и седьмой код взломать, а он, гад, кряк и завис, а потом вообще вырубился. Я сначала думал - вирус, потом поковырялся - железо. Хорошо, если оперативка, а вот если «мамка» полетела, я попал. Столько бабла у меня нет. Завтра поеду на Горбушку, посоветуюсь да к железкам приценюсь.

- Да уж, - Женя облокотилась о перила и уставилась в сумерки. - Плохо, если попал. Чем заниматься-то будешь, не книжки же читать?

- Тебе бы только подкалывать! - Гарик снова вздохнул и скосил глаз в разрез плохо запахнутого халатика соседки.

Женя сообразила, что дает сеанс бесплатного стриптиза, но затягивать поясок не стала. Пусть хоть один нормальный человек получит сегодня удовольствие от ее прелестей, а то всяким ублюдкам все, а хорошим мальчишкам ничего. Несправедливо.

Эстафету справедливости охотно подхватил теплый ветерок, и Гарик увидел больше, чем мог мечтать. Правда, на этот раз Женя быстро запахнула халат. Сумерки сумерками, но с такого расстояния синяки на бедрах были видны вполне отчетливо.

Гарик судорожно сглотнул и торопливо отвел взгляд. Женя просунула руку сквозь разделяющую балконы решетку и погладила парнишку по запястью.

- Не обижайся. Я же по-дружески.

- Да я и не обижаюсь, - Гарик разволновался. - Ты же знаешь, как я тебя... к тебе... отношусь.

- Знаю, - Женя потянула его за рукав. - Иди сюда.

Гарик подошел к решетке вплотную и уткнулся лбом в прутья.

- Ты только... не посылай, ладно? - Голос у него дрогнул.

- Дурачок, - Женя провела рукой по его щеке. - Ты самый лучший, как тебя можно послать?

- Ты же понимаешь, о чем я, - Гарик насупился.

- Понимаю, - Женя тоже прижалась к решетке и чмокнула парнишку в нос. - Мы обязательно будем вместе, но не сейчас.

- А когда? - севшим голосом прошептал обомлевший Гарик.

Женя сделала шаг назад, наглухо запахнула халат и загадочно улыбнулась.

– Когда подрастешь!

– Я так и знал! – Гарик, и не надеявшийся на другой ответ, быстро взял себя в руки. – Как обычно – завела, а сама в кусты! Все вы, женщины, одинаковые.

– А тебе-то откуда знать? – Женя рассмеялась. – Иди, ловелас, помой пипетку и спать!

– Я, кстати, уже через месяц подрасту на целый год, не забыла? – Гарик никогда не обижался на Женины шутки. Даже если делал вид, что обижен. – Придешь? Все-таки восемнадцать, совершеннолетие. Будет пир, – парнишка почесал затылок, – если, конечно, деньги останутся. Нормальная «мамка» не меньше сотни «зеленых» стоит. Но я все равно что-нибудь придумаю. Придешь?

– Куда я денусь с подводной лодки? – Женя сделала ему ручкой. – Вот на дне рождения и посмотрим, подрос ты или нет. Приятных снов, амиго.

– Ты серьезно?! – Гарик едва не подпрыгнул от счастья.

– Серьезно, – Женя улыбнулась. – Иди, тренируйся.

Гарик исчез с балкона, как будто его и не было. Женя тоже вернулась в квартиру. По дороге к своему диванчику она еще разок заглянула в ванную, а затем в комнату к брату. Володя спал одетым, поверх одеяла и без подушки. Женя сунула ему под голову подушку, прикрыла уголком одеяла и тихо вышла.

Уснула она, едва приняв горизонтальное положение, поэтому не услышала, как в комнату входит брат, чтобы простоять рядом с ее кроватью, будто часовой на посту, ровно до полуночи.

Когда же электронные часы пискнули, оповещая о начале новых суток, Володя вернулся к себе и лег в точности так, как лежал, когда от него выходила сестра: на подушку и укрывшись краешком одеяла.

* * *

Смерть Шуйского серьезно повлияла на связи Цеха в УФСБ по Москве, но не оборвала их полностью. Нельзя было сказать, что все идет, как прежде, но и кардинальных изменений не произошло. Да, стало похуже с информационной поддержкой, проще говоря – с утечками в пользу Цеха. Да, в чьих-то горячих головах вновь возникла идея вплотную заняться подконтрольными Цеху предприятиями и раскрыть, таким образом, мифический «заговор олигархов». Да, ситуация в этой связи сложилась неблагоприятная, но все это было Цеху не в новинку. Бывали времена и похуже.

Однажды, например, во главе известного ведомства вообще встал Хамелеон! Что тогда началось, страшно вспомнить! Хорошо, что у Цеха хватило мужества, терпения и связей выдержать натиск. А еще хорошо, что лично Хамелеон расстреливал арестованных достаточно редко. Обошлось малой кровью: десятком бойцов и двумя бригадами. Потом Хамелеона самого арестовали и расстреляли. Жаль, он оказался не последним представителем своего гнусного рода.

Так что «охота на ведьм» для Цеха дело привычное. Но раньше в Конторе всегда было достаточно глаз и ушей, чтобы сводить все к минимальному ущербу, а на сегодняшний день баланс нарушился. Этот новый Хамелеон действовал гораздо хитрее предшественников. Первым делом он вычислил – интересно, как ему это удалось? – людей Цеха в силовых структурах и убрал их следом за Шуйским. С одной стороны, таким образом, он настроил против себя правоохранительные органы, это явный минус, но с другой – обезопасил себя от тех, кто действительно был способен его разыскать.

Так что фактически приходилось начинать все сначала и в новых реалиях. Внедрение в Контору (в который раз со времен создания Тайной канцелярии – не сосчитать!) вообще-то началось еще при Шуйском, но только сейчас от успеха стало зависеть настолько много. Ведь изначально внедрение было привязано всего-то к созданию в Конторе отдела, занятого рытьем подкопа под Цех. Федералы считали, что имеют дело с тайным клубом богатеев, финансирующим разного рода подполье: от прозападного до националистического, и даже не подозревали, что эту легенду им подкинул сам «клуб». Так решили на Цеховом Совете мастера: хочется им копать, пусть копают, но не в том месте. Вот для контроля над этим процессом Шуйский и решил внедрить в Контору Джонатана, как самого опытного в деле общения с госбезопасностью.

Когда мастера не стало, приоритеты изменились, а уж когда Хамелеон начал косить ряды бойцов и бригадиров, словно японский триммер, все прежние легенды и задания были отменены, и люди Цеха отозваны из всех «командировок». Из всех, кроме одной. Как бригадиру Островскому удалось уговорить нового мастера, история умалчивает, но Джонатана оставили на месте, более того, приказали продолжать работу по прежнему профилю, разве что с маленькой корректировкой. Джонатану следовало убедить свое конторское начальство, что в деле «клуба олигархов» наметился прорыв, но для полной уверенности ему нужно какое-то время поработать в одиночку, или, как говорят буржуйские коллеги, «под прикрытием».

Старый опытный оперативник справился с заданием на «отлично». Что он там наплел своим конторским товарищам, неизвестно, однако ему не только выдали карт-бланш, но и предоставили напичканный самой современной аппаратурой фургон, по стечению обстоятельств, как две капли похожий на тот, в котором выезжали на операции сотрудники Цеховой Службы безопасности во главе с Островским.

– Теперь в моем распоряжении столько продвинутой техники, что стыдно не отыскать гадину, – демонстрируя свое «богатство» бригадиру, иронично басил Джонатан. – Но главное – легальный доступ к секретным базам!

– Все это хорошо, – соглашался Островский, – но есть одна загвоздка: данная техника не рассчитана на поиск невидимок.

Эта беседа состоялась еще в мае, и с тех пор правота бригадира получила целый ряд подтверждений. Все поисковые ресурсы Конторы, спутниковая съемка, термосканеры, газоанализаторы, моделирующие местность до и после появления следов лазерные сетки и другие фокусы так и не помогли поймать врага. Дважды по наводке Джонатана оперативники подходили к врагу вплотную, один раз почти схватили его, но Хамелеон все-таки ускользнул. Причем в последний раз, прихватив с собой души четверых бойцов. И против этой «загвоздки» Джонатан был бессилен. Вот почему он ничуть не удивился, когда Островский сообщил ему о начале новой фазы операции: о привлечении к делу чужаков. Не удивился и не обиделся. Бригадир был прав, среди обычных людей встречаются талантливые ищайки, так почему не использовать их талант во благо Цеха? Ничего личного, как говорится.

К тому же Джонатана никто не отстранил от дел. Он так и остался главным поисковиком Цеха, только на всякий случай секретным. Такую осторожность Островский тоже объяснил довольно просто: если Хамелеон сумел вычислить Шуйского и других, то сумеет добраться и до Джонатана, окажись он в поле зрения. А вот если оперативник останется в тени, есть шанс от этой неприятности подстраховаться.

Не сказать, что Джонатан боялся врага, на его личном счету были двое убитых и один пойманный Хамелеон (так что, видал он этих гадов в гробу – в прямом смысле), но все-таки согласился, что осторожность в этом деле не помешает, и снова «ушел на дно». Единственной связью с Цехом для него теперь был Островский, а единственным шансом вернуться к привычной жизни – поимка врага. Или уничтожение, тут как получится, главное – устранить угрозу.

Неспешно размышляя над всем этим, Джонатан загрузил в фургон аппаратуру и отправился на место ночной схватки группы Островского с Хамелеоном. Сегодня он собирался проверить очередную теорию о происхождении и привычках врага, а заодно опробовать программу комплексного анализа собранных на месте преступления улик. Надежда на успех была призрачной, прошло более двух суток, но кроме аппаратуры при Джонатане были глаза, уши, нюх и мозги, а значит, шанс все-таки имелся.

Два круга по поляне не принесли ощутимого результата, разве что размялись мышцы. Джонатан вышел на середину и открыл комп. Кое-что вырисовывалось, но об успехе, даже минимальном, говорить было рано.

На какую-то секунду внимание разведчика отвлекло появление на дальнем краю поляны какой-то парочки. «Девушка, извините! Можно вас на минутку?» – донеслось до слуха Джонатана. Стандартная завязка. Парень решил подкатить, и девушка, похоже, не против. Ничего особенного. Работе эти двое не мешают.

Разведчик ввел в поисковую программу необходимые поправки и приготовился ждать результата.

Результат проявился быстро, только не тот, на который рассчитывал Джонатан. Где-то за спиной хлопнул выстрел, и в экране компьютера образовалась аккуратная дырочка. Джонатан уронил машинку, выхватил из кобуры оружие и, обернувшись в ту сторону, откуда донесся звук, присел. Продолжения банкета

не последовало. Разведчик быстро осмотрелся, чтобы оценить обстановку в целом.

Пуля предназначалась ему, без сомнений. Больше просто было некому, но, во-первых, расстояние для пистолетного выстрела было слишком велико, а, во-вторых, хрупкая женщина и ничем не примечательный мужчина вряд ли могли насолить кому-то до такой степени, чтобы в них стрелять. Парочка, между тем, не разделила уверенности Джонатана и бросилась врассыпную. И то верно, береженого бог бережет.

Джонатан снова обернулся к зарослям. Промазал стрелок или же целился именно в комп, было вопросом второго порядка. В первую очередь было ясно, что снайпер хотел сорвать замыслы разведчика. Почему же не вlepил пулю ему в затылок? Не хотел устраивать шума? Скорее всего. К лесопарку и так приковано слишком много внимания.

Разведчик вытянул шею и принюхался. Порохом тянуло из зарослей левее не приметной тропинки. Оттуда же доносился слабеющий, но отчетливый запах врага. Стрелок уходил в сторону жилого массива. Джонатан снял пистолет с предохранителя и осторожно двинулся по следу. Враг был близко, разведчик это чувствовал, но не видел даже его тени. Учитывая способности Хамелеона к маскировке, это было нормально, а вот то, что он движется почти бесшумно, не касаясь веток деревьев или кустарника, говорило о высоком уровне его подготовки.

Разведчик шел по тропинке достаточно резво, но чутье подсказывало, что враг передвигается гораздо быстрее. Чтобы его нагнать, следовало прибавить, но осторожность взяла верх. Будь впереди обычный подозреваемый, Джонатан не сомневался бы ни секунды, рванул бы со скоростью курьерского, настиг этого вольного стрелка в какой-нибудь подворотне и свернул бы ему шею. Но чутье предупреждало, что впереди истинный враг и с ним такие фокусы не пройдут. Он силен, ловок, а главное – почти невидим! Такого с лету не взять, а вызывать его на бой лицом к лицу не имеет смысла. Он-то лицо увидит, а вот его оппонент, в смысле – Джонатан, вряд ли.

Следы оборвались на обочине асфальтированной дороги. Дальше враг мог пойти куда угодно. Джонатан остановился, обвел внимательным взглядом окрестности и спрятал оружие в кобуру.

«Ничего страшного. В следующий раз».

Сказать определенно, когда наступит этот следующий раз, Джонатан не мог, но чувствовал, что долго ждать не придется. Враг перешел от тупых, прямолинейных акций к тактическим играм, а следовательно, вошел во вкус, почувствовал азарт. Остановиться ему будет трудно, ведь азарт – настоящий наркотик для злых и ущербных. Что в принципе одно и то же.

* * *

Коренастый, с короткой седой бородкой, в военной куртке... приметы были аховые. Туманов на них и не полагался, он рассчитывал вычислить субъекта путем опроса потенциальных свидетелей и выяснения обстоятельств ночного происшествия. Все равно прямо на нужного человека никто не укажет, даже за бутылку.

Где искать свидетелей и как заводить разговор, Виктор наметил еще до приезда в нужный район. Кварталы высотных новостроек и домов переменной этажности для «среднего класса» он исключил сразу. Оставались дома советской постройки и непосредственно лесопарковая зона. Для установления контакта с аборигенами сыщик прикупил несколько бутылок «огненной воды» и блок дешевых сигарет.

Довольно долго взятки оставались не востребованными, но ближе к десяти утра дело все-таки сдвинулось с мертвой точки. У одного из гаражей, приспособленного под нелегальный пункт приема цветных металлов, Туманову встретился сутулый тип в засаленной кепке, который, услышав звон из сумки, тут же проникся к сыщику симпатией и поведал, что некто Ерема, он же Еремей, он же Странный, попал позапрошлой ночью в какую-то историю. Подробностей истории респондент не знал и где искать Еремея, не ведал. Виктор щедро налил ему полстакана, не скрывая сей факт от любопытных глаз окружающих, и мгновенно получил новую порцию информации от другого страждущего. Выяснилось, что Еремей обитает в лесу к западу от гаражей, «недалеко, если по тропинке, минут пять». А еще выяснилось, что в историю попал вовсе не он, а кто-то другой, но Ерема знал все подробности ночного происшествия.

Ни через пять, ни через десять минут прогулки по лесной тропе пристанище Странного Еремея не обнаружилось, зато нашлись новые свидетели. Применив

все тот же метод булькающей дипломатии, от них Виктор узнал, что Станным аборигены зовут вовсе не Еремея, тут сыграли злую шутку тонкости дикции, хромающей у некоторых «месных» в связи с недостатком зубов. Ерему презрительно обзывали Сраным, а вот Станным величали другого человека, серьезного и уважаемого обществом за полное отсутствие интереса к спиртному и его суррогатам. Пристрастия к наркотикам или токсическим веществам за Станным тоже не водилось. Он вообще вел себя не так, как все: бродил по парку в одиночку и словно бы что-то искал. Что – никто не знал, да никого это и не интересовало. У Станного всегда можно было стрелкнуть сигаретку (хотя сам он не курил), даже занять червонец, но не чаще одного раза в день. О последнем факте информаторы сообщали почему-то почти шепотом, как об особо важном. На вопрос «Что в этом такого?» отвечали по-разному, но смысл ответов сводился к одному: Станный ни на кого не смотрел, не обращался по имени, мог вообще пройти мимо, если не окликнуть, но должников сортировал безошибочно. До полуночи подходить к нему с повторными просьбами было бессмысленно. Зато в полночь он будто бы «перезагружался» и снова мог занять, пособить, выручить и так далее.

Тратить еще одну «пол-литру» на выяснение, где обитает этот загадочный фрукт, Туманов не стал. По описаниям Станный вроде бы подходил на нужного клиенту субъекта, но когда Виктор попросил собеседников описать Ерему, то получил практически такой же словесный портрет. То есть достоверность информации была на грани, и Туманов продолжил поиск Еремея, отбросив на время побочные версии.

Еще через час прогулки по тайным тропам лесопарка Виктору пришлось-таки достать третью бутылку, чтобы завести душевный разговор с новым знакомцем, пожилым, но проворным и запредельно грязным. Представляться старик-лесовик не спешил, и Туманов присвоил ему условный номер. По номеру истраченной на него бутылки: «Третий». Добавив к авансу пачку сигарет, Виктор узнал, что Еремея Третий не видел уже «пару ден», зато перед тем, как прилечь, заметил картинку маслом: несколько парней уводили в сторону жилмассива Станного. По мнению Третьего, кто-то из местных решил поговорить со Станным насчет позавчерашней поножовщины в лесу. Почему с ним, а не с Еремеем, Третий был не в курсе. Вроде как Станный тоже был свидетелем, но точно ничего сказать нельзя. «Он же мутный». Почему насчет поножовщины? Говорят, в ней участвовал кто-то из местных жителей, возможно, даже один из компании этих самых парней, только неясно, в роли пострадавшего или виновного.

Подытожив полученные сведения, Туманов решил скорректировать планы и двинулся в указанном Третьим направлении. Возможно, у местной шпаны имелись свои счета со Странным. Возможно, к «ночному делу» этот тип не имел никакого отношения, но даже с таким допуском «мутный» след выглядел вернее, чем затерявшийся в лесу след Еремея.

Закончились поиски неожиданно и вовсе не тем результатом, на который рассчитывал Виктор. В зеленой зоне недалеко от трамвайного кольца он наткнулся на топчущуюся за милицейским оцеплением толпу зевак. Причина сборища выяснилась быстро, зеваки обсуждали одну и ту же тему: гибель местного жителя под колесами трамвая. Некоторое время Туманов еще надеялся, что происшествие не связано с его расследованием, но, услышав несколько раз кличку Странный в прошедшем времени, сделал правильные выводы и отошел в сторонку, чтобы сообщить новость клиенту.

– Похоже, я нашел вашего спасителя, – Туманов невесело усмехнулся. – Только немного опоздал.

– Как это? – Островский говорил торопливо, будто спешил закончить разговор и вернуться к прерванному делу. – Объект улетел на Гавайи?

– Вроде того. Думаю, там, куда улетела его грешная душа, тоже неплохой климат. Его раскроил трамвай.

– Как это «раскроил»? – Клиент, похоже, все-таки переключился на новую волну.

– На две неравные части: тело и голову.

– Давно?

– Вот только что. Даже простынями еще не накрыли. Думаю, меня кто-то опередил. Буквально полчаса назад объекта видели в компании крепких парней спортивного вида, а теперь он мертв. Не ваши люди?

– Что вы такое говорите, зачем мне это? – Островский явно задумался. – Я же хотел его отблагодарить. Вот что, господин Туманов, я попрошу вас выяснить обстоятельства и, желательно, данные погибшего. Мы позаботимся о похоронах

и о его семье. Передайте информацию моему адвокату и можете быть свободны, ваша работа закончена. Деньги мы перечислим сегодня же.

– Так просто? – удивился Туманов. – А если это убийство? Вам не хочется выяснить мотив?

– Подробности мне сообщат из других источников, господин Туманов.

– Вы думаете, «другие источники» станут заниматься расследованием гибели бомжа? Зачем им лишняя головная боль?

– В любом случае, ваша работа закончена, господин Туманов, всего хорошего.

Виктор сунул телефон в карман и покачал головой. Все это было более чем странно. И работа эта, и реакция клиента на происшествие, и само происшествие. Туманов обошел скопление любопытных и приблизился к одной из милицейских машин. Рядом с новенькой «Шкодой» стоял черный внедорожник «Порше», а чуть дальше два белых фургона: «Скорая» и гражданский «Мерседес-Виано» с затемненными стеклами. Виктор невольно придержал шаг. Рядом со «Шкодой» в компании милицейского полковника прогуливался не кто иной, как адвокат Мартов! Как он здесь очутился и почему именно сейчас, оставалось гадать. Туманов свернул с намеченного маршрута и остановился под прикрытием милицейского «уазика», перегородившего трамвайные пути. Услышать, о чем беседуют Мартов и полковник, ему не удалось, но сам факт столь «своевременного» появления адвоката на авансцене наводил на размышления. Ничего конкретного в голове пока не складывалось, но мысли пришли в движение, а оперативное чутье в полную боевую готовность. «Мутные» клиенты определенно играли какой-то секретный спектакль, в котором сыщику отводилась роль статиста. Сыграл свою мелкую роль в эпизоде – и свободен. А что это была за роль и почему без слов, даже без фразы «Кушать подано», статисту знать не положено.

– Опять эти «модные» тут крутятся, – проронил кто-то за спиной.

Виктор оглянулся. Метрах в пяти позади него остановились двое подростков. Смотрели оба на немецкий микроавтобус.

– Я же говорю, фээсбэшники. Как маньяк завелся, они и начали тут появляться. У них здоровый такой.

– Нет, главный у них другой, а здоровый командует группой захвата. Я сам видел, как он в парке искал чего-то, наверное, операцию готовил.

– Чего ты видел! Ничего ты не видел, трепло! Операцию! Они вообще из фургона не выходят, только катаются.

– Я тебе отвечаю, видел! Такую «раму» ни с кем не спутаешь. Ходил вон там, по тропинке, приседал все время, как будто принюхивался, потом сел в этот вот «мерс» и уехал.

– Эй, пацаны, шагайте! – из «бобика» высунулся сержант. – А вы, гражданин, что тут встали? Здесь не положено.

Туманов обернулся к сержанту и торопливо достал карточку.

– Я частный детектив, – Виктор всучил визитку сержанту.

– Ну и что? – Милиционер изучил карточку и сунул в карман. – Не положено здесь.

– Я кое-что знаю, могу выступить свидетелем.

– Выступить он может, – сержант фыркнул. – Тоже мне Петросян. О чем тут свидетельствовать? Несчастный случай, дело ясное.

– Я так не думаю. У меня есть достоверная информация.

– Да-а? – сержант смерил сыщика подозрительным взглядом. – Ну, приходите в отделение. Завтра. А лучше через недельку.

– А сейчас я могу с вашим начальством поговорить?

– Занято начальство, не видите? Я передам, что вы готовы сотрудничать. А вы в отделение приходите, завтра. А сейчас не мешайте, гражданин, мы ограждение натягивать будем.

Виктор сделал несколько шагов назад, а затем в сторону, чтобы оказаться на виду у Мартова, но адвокат уже закончил беседовать с полковником и скрылся из поля зрения. В какую из машин он уселся, сыщик не заметил. Белый «Виано» и черный «Порше-Кайенна» одновременно развернулись и покатали друг за другом по направлению к Варшавскому шоссе. Туманов рефлекторно схватился за телефон, но вспомнил, что сказал Островский, и оставил мобильник в кармане.

«Гейм овер, аборт миссии, конец фильма. Конспираторы! Что же вы тут ищите на самом деле? Ну не маньяка же! Мелковато это как-то. Только если он для чего-нибудь нужен. И для чего? Для экспериментов? Каких? Нет, это слишком сложно, а потому нереально, все должно быть проще».

Виктор проводил машину адвоката взглядом и побрел в противоположную сторону. Если честно, он был не прочь поставить на странной истории жирный крест, но ему не нравился финал. Какой-то скомканный и неопределенный. Виктору не давала покоя мысль, что его подставили, только он об этом не знает и не узнает, пока не придет время. Но когда оно придет, будет поздно что-либо исправлять, вот в чем штука. Согласиться на такой расклад Туманов никак не мог, ему требовалась полная определенность. Рисковать своей шеей – так уж знать, ради чего рискуешь.

Определенный план действий пока не созрел, поэтому Туманов просто снова остановился неподалеку от группы зевак, негромко обсуждающих главную тему дня, и прислушался. Версий выдвигалось много, но под все был загодя подведен один знаменатель: никто из любопытствующих не верил, что делу дадут ход. Да и в том, что дело будет заведено, подавляющее большинство сильно сомневалось. Несчастный случай – это максимум, и то лишь потому, что сделать вид, будто вообще ничего не произошло, уже не получится.

– Ночью бы точно дело замяли, – выдвинул предположение кто-то из толпы. – А так... гляди, начальства понаехало, как молдаван на стройку.

Туманов взглянул в ту сторону, где недавно беседовали милицейский полковник и адвокат. К «Шкоде» подрулили «гаишная» «Волга», темно-серый джип и еще один «уазик». Да, начальства собралось явно больше, чем того требовала ситуация. Хотя, бывает и больше. Виктор присмотрелся и безошибочно определил, что на джипе приехали сотрудники прокуратуры, одного он знал лично. Но больше всего сыщика заинтриговал другой факт: сержант из первого «бобика» что-то докладывал полковнику, исподтишка поглядывая в сторону Туманова. Нет, возможно, он косился на кого-то другого, толпа вокруг собралась приличная, но Виктору казалось, что милиционеры обсуждают именно его персону. Вот и полковник обернулся, прищурился и окинул внимательным взглядом физиономии местных бездельников.

Туманов на всякий случай отвернулся и медленно побрел в прежнем направлении. Скрывать ему было нечего, но чутье почему-то подсказало, что убраться подальше сейчас будет наилучшим вариантом. Что за паранойя, черт ее знает!

– Слышь, алло, командир, – Виктора дернули за рукав. Сыщик остановился. К нему тотчас протиснулся знакомый тип в засаленной кепке. – У тебя это... ну, вино еще осталось?

– Может быть, – Виктор узнал в нем первого за сегодняшний день свидетеля. – Отойдем?

Он кивком указал на ближайшие кусты.

– Ну, можно, – тип покашлял и, озираясь, двинулся впереди Туманова.

– Что скажешь? – когда они выбрались из толпы, спросил Туманов.

– Так это, ну, налей, что ли?

Виктор снял с плеча сумку, достал ополовиненную бутылку и выполнил его просьбу, от щедрот плеснув в пластиковый стакан больше половины. Информатор залпом опрокинул «вино» в глотку, поморщился, утерся рукавом и торопливо закурил.

– Вон Еремей-Сранный сидит, видишь? – просипел он, сделав пару затяжек. – Лысый, в куртке такой синей.

– Рядом с мусорным баком?

– Ну да, он. У тебя, брат, курить есть?

– Ты же куришь, – Туманов усмехнулся.

– Так последняя. Или червонец займи.

– Держи, – Виктор бросил ему пачку «Явы» и двинулся к Еремею.

Почему этому дядьке дали обидное прозвище, Туманов понял еще за пять метров: несло от Еремея, будто от навозной кучи. Зато он не стал отнекиваться и, казалось, даже обрадовался, что к нему проявил интерес целый сыщик. Туманов, представляясь, не уточнил, из какой он конторы, но Еремею это было не важно. Сыщик, и ладно. Аванс в виде пачки сигарет и стаканчика «белого вина» он тоже воспринял не как подкуп, а вроде как «свидетельский гонорар». Судя по остаткам знаний, Еремей когда-то был неглупым мужиком. Туманов воодушевился и присел рядом со свидетелем. Его даже перестал смущать запах.

– Ходишь тут, ходишь, – Еремей закурил и блаженно прищурился. – Я давно тебя заметил, на. Менты в жопу послали, да?

– Говорят, несчастный случай.

– Ага, случай, на, – Еремей хрипло рассмеялся. – Дремучий. Им-то чего, лишняя морока, и только, на. А так все гладко, на, «случай», и все дела. Всем выгодно.

– Кому это «всем»? – удивился Туманов.

– Ну-у, всем, – Еремей обвел широким жестом окрестности. – Всем.

– Чем этот Странный всем не угодил?

– Чем, чем, – Ерема помотал головой. – Хрен его знает, чем. До позавчерашней ночи никому не мешал, на. А потом слухи поползли, что нечисто что-то со Станным, на. Про маньяка слышал небось?

– Станный и есть маньяк? – удивился Туманов. – В смысле – был.

– «В смысле» ему, – проворчал Еремей. – Чего перебиваешь, на? Слушать хотел, ну так слушай, на, не перебивай. Будешь слушать-то?

Туманов молча подлил ворчуну водки. Еремей мгновенно подобрел и продолжил уже спокойнее:

– Маньяк не Станный, это точно. Этот зверь вообще не из наших. Люди видели, как он на белом фургоне приезжал и уезжал. Да не раз видели, на, я от всяких слышал, и от гулящих, и от домашних. Ох, и боятся тут этого зверя! Страшно боятся, на. Все, даже лбы эти в кожанках. Он, говорят, каждую безлунную ночь окрест бродит, на, и если кого повстречает, то обязательно убьет. И одолеть его невозможно, на, даже пуля не берет.

– Ну а Станный тут при чем?

– Поговаривают, что Санек, ну Станный то есть, был его слугой, подбирал жертв, – Еремей выплюнул окурок и потянулся за новой сигаретой. – Наводчиком был. Потому и кинули его под трамвай, на.

– Эти парни кинули, спортсмены?

– А вот это неизвестно, на. Да и если б было известно, тебе толку никакого. Своих нигде не выдают, на. И ментам выгодно, чтоб маньяк без подручных остался. Достал он всех – хуже нет. Такой район был! Теплый, тихий. А теперь... страх, и только.

– Угу. – Виктор прочертил на земле прутиком пару линий. – Значит, наводчик из местных, а маньяк на белом фургоне? Полный коннект.

– Чего?

- Все сходится, говорю, - Туманов поднялся, протянул было руку, чтобы поблагодарить Еремея за информацию, но передумал и просто отсалютовал. - Будь здоров!

- Э-э, сыщик, а самое интересное узнать не желаешь, что ль?

- Водка кончилась, - предупредил Виктор.

- Ну, папироски-то остались, на? - Ерема хитро подмигнул.

Туманов бросил ему пачку сигарет, поймал укоризненный взгляд и бросил еще одну.

- Чего, как собаке, кидаешь? - обиделся Еремей. - Я тебе, как на духу, а ты...

Туманов бросил еще пачку.

- Ладно, - бомж вздохнул, - слушай, на. В ту ночь, когда Странного в компании с маньяком срисовали, еще кое-что стряслось. Сам не видал, Клавка говорила, из пятого дома. Говорит, стрельба была, на. Трупов... гора! Только не жулики это воевали. По всему - ловили кого-то, а он отстреливался, на.

- Постой, маньяка ловили?

- Откуда мне знать?

- Ловили, но не поймали, а выгнали на просеку, где его подобрал белый фургон, так?

- Чего ты пристал?! Ты сыщик, ты и думай, на.

- Ясно, спасибо, - Туманов был бы не прочь расспросить Ерему подробнее, но терпеть вонь больше не было сил.

Сыщик на прощанье помахал информатору и направился к лесопарку. Свято верить в рассказы Еремея было неразумно, но и пренебрегать информацией не

следовало. Надо все тщательно проверить. Тем более что это полностью стыковалось с наметившимся в голове у Туманова планом дальнейших действий. Проверить, а уж потом...

Честно говоря, Виктор пока слабо представлял себе, что будет потом. За одно утро на него свалилось непривычно много противоречивой информации, и сложить факты в систему пока никак не получалось. Виктору отчаянно не хватало листа бумаги и карандаша, чтобы расписать все по квадратикам и кружочкам, соединить стрелочками и уже в таком вот наглядном виде осмыслить за чашкой кофе.

«А пока будем накапливать информацию. Ее и так уже выше бровей, но никуда не деться. Назвался сыщиком, полезай в дебри, ищи улики. Если Ерема не врет и маньяка по лесу гоняли какие-то охотники, должны найтись следы, гильзы, пули. С учетом погоды, следы, допустим, найти нереально, но гильзы-то не сахарные, под дождиком растаять не могли. Вот только вопрос: зачем мне гильзы? Чертова каша в башке! И что я полез в эти сыщики?!»

Возможно, настоящим сыщиком Туманов пока не был, но ему определенно везло на улики и свидетелей. Причем отыскивал их Виктор еще до того, как успевал сообразить, что же хочет найти. Едва он вышел на то место, где загнанный охотниками маньяк теоретически сел в белый фургон и укатил в логово, как взгляд сам наткнулся на странную вещицу. Она висела на нижней ветке деревца и призывно трепыхалась на прохладном ветерке. При ближайшем рассмотрении вещица оказалась платком, судя по рисунку – женским. В общем-то, ничем не примечательная находка, если бы не одно «но». Платок был испачкан засохшей кровью. Виктор сразу определил, что это кровь, а не краска или помада, какой-никакой опыт все-таки имелся. Туманов взял «улику» двумя пальцами и повертел перед глазами. Было непохоже, что платком вытирали расквашенный нос или использовали его в каких-нибудь дамских целях. Окровавленный лоскут был прорезан в двух местах чем-то очень острым, вроде бритвы или хорошо заточенного ножа.

«Вот именно, – подумалось Туманову. – Вытирали. Только не нос, а лезвие! Ай, как я вовремя пришел!»

Виктор оглянулся. В одном месте кусты были примяты, но ничего особенного на их ветках он не обнаружил. Тем не менее платок и сломанные кусты вносили в предполагаемую картину ночного происшествия существенные коррективы.

«Охотники загнали зверя сюда, но прежде, чем сесть в фургон, он проткнул ножом кого-то, кто при жизни владел этим платком; вырвавшегося вперед охотника или прохожего, не суть важно, – Туманов немного поразмыслил и вывернул версию наизнанку. – А возможно, тот, кто владел платком, до сих пор жив, поскольку успел дать зверю отпор, например, сам пырнул его ножом! Из чего следует...»

Вывод напрашивался довольно смелый. Туманов повертел его так и этак и еще раз мысленно похвалил себя за сыщицкое чутье и за то, что либо в первом, либо во втором случае находится на верном пути. Диаметральная противоположность версий его ничуть не смущала.

Виктор сложил ценную улику в пластиковый пакетик и, весьма довольный собой, а также вырисовывающимися перспективами громкого дела (и, как следствие, обретения громкого имени), направился примерно в ту сторону, откуда мог прибежать загнанный охотниками маньяк. Туманов посмаковал словечко и ухмыльнулся. Если все так, как он себе представил, дело будет не просто громкое, а оглушительное! Тот, кто хотел подставить статиста, запросто может сам оказаться вычеркнутым из сценария!

Туманов вышел на полянку с мокрым кострищем и оглянулся в поисках новых улик. Гильз или следов он не увидел, зато заметил еще одного потенциального свидетеля. Невысокая, худенькая девчушка лет семнадцати брела по опушке, глядя себе под ноги и явно не замечая вокруг ничего и никого. Выглядела она для этого района вполне прилично, но что-то все же выдавало в ней местную жительницу.

«Наконец-то хоть один нормальный свидетель, – воодушевился Туманов. – Не факт, что она знает что-то существенное, но этого и не требуется. Даже если она просто подтвердит, что слышала стрельбу, уже будет хлеб».

– Девушка, извините! Можно вас на минутку?

Девушка остановилась, испуганно взглянула на Туманова и почему-то попятилась. Виктора ее поведение насторожило. Не такой уж он был страшный, чтобы пугать детей среди бела дня. Девушка, видимо, поняла, что Туманов не желает ей зла, и замерла на месте. Виктор изобразил вежливую улыбку и двинулся к ней через полянку.

Он не прошел и трех шагов. В кустах на дальнем краю поляны раздался хлопок, над ухом у Туманова что-то просвистело, и ноги сами понесли сыщика прочь. Только выбежав на дорогу, он понял, что произошло.

В него стреляли! Кто это сделал (Туманову показалось, что он успел увидеть присевшего в высокой траве человека) и почему – это были вопросы номер два и три. Главное – факт выстрела! И он абсолютно не выбивался из общей картины, даже наоборот, только укреплял Виктора во мнении, что одна из его версий очень даже соответствует реальной картине событий, произошедших позапрошлой ночью где-то здесь, на полянке, просеке или узкой тропинке.

И, скорее всего, это версия номер два.

«Вот вам и господин Островский, приличный бизнесмен! Как же я раньше не додумался, ведь он с самого начала юлил! И спасателя ему требовалось отыскать потому, что тот видел спасенного в лицо, а значит, мог его заложить! Все сходится! Точно! Сходится, как тут и было! Ну, раз так, держитесь, господин маньяк, я вам устрою ночные вылазки для разрядки!»

* * *

Больше всего Женя опасалась, что не сумеет подняться с кровати. Минут десять она лежала, анализируя ощущения, потом осторожно согнула ноги в коленях и попыталась сесть. Попытка увенчалась успехом, более того, ничего особенного Женя не почувствовала. Ни боли, ни жжения. Она откинула одеяло и удивленно взглянула на свои ноги. От синяков не осталось и следа. Девушка медленно опустила ноги на пол и встала, опираясь о спинку кровати. Боли не было. Женя прошла по комнате. Ничего! Это было удивительно и даже немного беспокоило. Так быстро у Жени не заживали даже порезы на пальцах, а тут такие серьезные травмы. Женя закрыла дверь на защелку и осмотрела себя повнимательнее. Следы вчерашнего кошмара на теле остались, но выглядели так, будто прошло недели две. Как такое могло произойти без всяких лекарств или хотя бы бабкиных заговоров? Женя озадаченно взглянула на свое отражение в зеркале. Отражение не знало ответа на вопрос. Девушка опустила взгляд на будильник, мирно тикавший на тумбочке под зеркалом, и спохватилась: время! Повторно испытывать гнев Кощея ей не улыбалось. Она быстро оделась, заглянула к брату – он еще спал, на цыпочках прошла мимо комнаты матери и

выскользнула за дверь.

Где искать Кощея и его банду, Женя определила быстро. Все местные бездельники семенили примерно в одном направлении, к трамвайному кольцу. Судя по их заинтересованным физиономиям, там произошло нечто особенное. Сто к одному, что это «особенное» было делом рук Кошчевых бойцов.

Вереница трамваев вытянулась чуть ли не до Красного Маяка, видимо, препятствие у них на пути возникло уже давно. Женя подошла поближе, но за спинами зевак сумела рассмотреть только полосатые ленточки, натянутые вокруг участка примерно десять на десять метров. После нескольких секунд энергичной работы локтями ей все же удалось оказаться вплотную к ограждению, и она тут же пожалела, что не осталась в тылу. Поперек трамвайной линии стояли два милицейских «уазика», а между ними было примерно полтора десятка метров пространства, залитого темной кровью. Посередине между рельсами лежало что-то компактное, округлое, прикрытое бурым куском брезента, а чуть дальше тоже под брезентом, но большего размера, лежало нечто продолговатое. Женя невольно задержала дыхание и еще раз окинула взглядом место происшествия. Можно было сколько угодно убеждать себя, что не понимаешь смысла увиденной картины, но на самом деле понимание пришло мгновенно. Под кусками брезента лежали соответственно: голова и тело. Женя почувствовала легкое головокружение, и на какое-то время ей стало дурно. Она с трудом удержала рвотный позыв и отвернулась. Левее места происшествия припарковались еще две милицейские машины и «Скорая». Около одной из машин, «Волги» с аббревиатурой «ДПС», стояли двое крупных чинов в фуражках-аэродромах и... Кощей! Со стороны казалось, что троица мирно беседует на отвлеченные темы, покуривая и оценивающе поглядывая на проходящих мимо девиц. Будто бы не было поблизости моря крови и расчлененного трупа. Здравомысленно рассудив, что сейчас Кощейю не до выполнения каких бы то ни было обещаний, Женя попыталась вырваться из кольца зевак, чтобы спокойно вернуться восвояси или даже поехать на работу – в принципе, она еще успевала, – но какое-то внутреннее чутье остановило и заставило подобраться к троице поближе. Борьба со странным любопытством Жене не хватило сил. Такого раньше с ней не случалось, но рассуждать о причинах неодолимой тяги к опасным знаниям было некогда. Женя обратилась в слух, боясь пропустить хотя бы слово из неторопливой беседы местного милицейского начальства и того, с кем они, по идее, должны бороться всегда и везде, а не где-то «кое-где» и лишь «порой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/vyacheslav-shalygin/instinkt-gneva>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)